

Религиозная организация —
Духовная образовательная организация высшего образования
«Владимирская Свято-Феофановская духовная семинария
города Владимира Владимирской Епархии
Русской Православной Церкви»

Кафедра церковно-исторических и церковно-практических дисциплин

ТЮРЬМА ПРИ СУЗДАЛЬСКОМ СПАСО-ЕВФИМИЕВОМ МОНАСТЫРЕ
В XVIII-XX ВЕКАХ.

Выпускная квалификационная работа
Студента V курса бакалавриата ВДС
иерея Леонида Викторовича Перебаева

Работа завершена:

“ ___ ” _____ 2021 г. _____ (Л.В. Перебаев, иерей)

Работа допущена к защите:

Научный руководитель

“ ___ ” _____ 2021 г. _____ (д.и.н., Перевезенцев С.В.)

Заведующий кафедрой

“ ___ ” _____ 2021 г. _____ (к.и.н., Макарова Д.Ю.)

Проректор по научно-богословской работе

“ ___ ” _____ 2021 г. _____ (к.ю.н., Абрамов А.Е.)

Владимир 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
1. ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ТЮРЬМЫ СПАСО-ЕВФИМИЕВА МОНАСТЫРЯ Г.СУЗДАЛЯ	8
1.1. Исторический фон и предпосылки создания тюрьмы.....	8
1.2. Основание тюрьмы в 1766 г.	15
1.3. Описание тюрьмы. Причины для заточения. Узники. Их сословный состав и количество. Сроки заключения.....	21
2. УСЛОВИЯ СОДЕРЖАНИЯ УЗНИКОВ НА ПРОТЯЖЕНИИ СУЩЕСТВО- ВАНИЯ ТЮРЬМЫ.....	27
2.1. Помещение и организация тюрьмы	27
2.2. Тюремный режим.....	31
2.3. Положение душевнобольных арестантов.....	44
2.4. Закрытие монастырской тюрьмы.....	48
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	52
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	57
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	60

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении многих столетий к святыням города Суздаля устремляется множество паломников, желающих поклониться мощам суздальских святых и помолиться в его древних монастырях и храмах. Самым крупным из суздальских монастырей является Спасо-Евфимиев мужской монастырь, основанный в 1352 году суздальско-нижегородским князем Борисом Константиновичем и первым игуменом монастыря Евфимием, впоследствии причисленным к лику святых.

Спасо-Евфимиев монастырь действовал 571 год, вплоть до его закрытия в 1923 году, и, как и многие другие русские монастыри, был «свотильником миру», хранителем духовных ценностей и проводником христианского мировоззрения для русского народа. Наряду с этим, в истории Спасо-Евфимиева монастыря имеются тёмные и печальные страницы: в 1766 году по указу Екатерины II на его территории было открыто арестантское отделение для душевнобольных, а в дальнейшем и для заключённых по политическим и религиозным мотивам. Эта монастырская тюрьма просуществовала до 1905 года, а после закрытия монастыря, с 1923 по 1967 годы, здесь функционировали разного рода пенитенциарные учреждения советского государства, такие, как политический изолятор, тюрьма НКВД, лагерь для военнопленных и колония для несовершеннолетних.

В нашей работе мы обращаем внимание на период с 1766 по 1905 годы, когда арестантское отделение функционировало при действующем монастыре, и находилось в ведении его настоятеля. Это место для заключения «умалишённых» и религиозных преступников, известное как «религиозная Бастилия», являлось одной из крупнейших монастырских тюрем в Российской империи.

Актуальность данной работы заключается, во-первых, в том, что исследование истории арестантского отделения Суздальского Спасо-Евфимиева

монастыря, позволяет наглядно судить о том, как функционировала система монастырских тюрем в Российской империи, какое влияние оказывало на заключённых пребывание в монастырской тюрьме, а также выяснить соответствие цели тюремного заключения его результатам. Во-вторых, сокрытие злодеяний и ошибок прошлого пагубно влияет на жизнь общества, и открытие секретов и тайн монастырских тюрем, их осмысление с позиции христианской нравственности и извлечение из них уроков может оказать целебное действие на общество в поисках путей его дальнейшего развития, помочь будущим поколениям обрести почву под ногами и небо над головой.

В нашей работе в качестве источников использованы архивные материалы, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве (РГИА), Российском государственном архиве древних актов (ЦГАДА) и Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб), и опубликованные в пятитомном труде М.Н. Гернета «История царской тюрьмы», в работах А.С. Пругавина «В казематах: очерки и материалы по истории русских тюрем» и «Монастырские тюрьмы в борьбе с сектанством», а также в сочинении Д.Г. Венедиктова «Попы: провокаторы, тюремщики, погромщики». Также к источникам можно отнести различные опубликованные законодательные акты [1; 2; 3; 5; 6]. Кроме того, источниковую базу работы составляют материалы монастырского архива и архивные дела канцелярии Владимирского губернатора, опубликованные в Трудах Владимирской учёной архивной комиссии в начале XX века [9].

В качестве литературы используются труды российских историков и краеведов. Полный список использованных источников и литературы приводится в конце работы.

Научно-историческую литературу, используемую в нашей работе, можно разделить на следующие группы:

- дореволюционные авторы, использовавшие материалы из фондов архива Спасо-Евфимиева монастыря, работы Л.И. Сахарова, В. М. Майнова,

А.С. Пругавина. В их трудах монастырское заключение рассматривается либо нейтрально, с описательной целью, либо, как у А.С. Пругавина, с резкой критикой царского режима в революционном духе [13; 14; 17; 19; 20; 22].

- советские исследователи М.Н. Гернет и Д.Г. Венедиктов, введшие в научный оборот множество неопубликованных источников из архивов Святейшего Синода и Министерства внутренних дел. Точка зрения этих авторов ещё более критическая по отношению к церкви и царскому правительству, что вполне соответствует духу советской эпохи [7; 10; 11; 12].
- современные исследования авторов, представителей юридической и пенитенциарной государственных служб, в трудах которых монастырские тюрьмы рассматриваются в контексте их роли в общегосударственной пенитенциарной системе, исследуются правовые аспекты монастырского заточения. Среди таких исследований можно выделить монографию С.О. Шаляпина «Церковно-пенитенциарная система в России XV–XVIII веков» [21].

При таком, достаточно большом количестве светских исследований монастырских тюрем, нами не было обнаружено трудов по данному вопросу в церковных образовательных учреждениях, в частности во Владимирской духовной семинарии. Новизна нашего исследования заключается в попытке рассмотреть с точки зрения христианских нравственных ценностей такое явление церковной истории как монастырская тюрьма.

Объектом исследования в данной работе является феномен монастырских тюрем в Российской империи.

Предмет исследования — история арестантского отделения суздальского Спасо-Евфимиева монастыря.

Целью данной работы является исследование истории возникновения и развития арестантского отделения Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря на протяжении его существования с 1766 по 1905 годы.

Для достижения поставленной цели нужно было решить следующие частные исследовательские задачи:

- кратко рассмотреть историю возникновения монастырских тюрем и предпосылки создания тюрьмы для «умалишённых» при Суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре; рассмотреть содержание понятия «умалишённый» в разные периоды истории;
- исследовать и проанализировать историю создания тюрьмы для «умалишённых» при Суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре; дать описание тюрьмы, узников, их количества и сословной принадлежности, приведены причины заточения и сроки заключения;
- исследовать и проанализировать эволюцию условий содержания узников на протяжении существования тюрьмы в таких категориях как: помещение тюрьмы и условия содержания заключённых, тюремный режим, положение душевнобольных арестантов;
- исследовать влияние тюремного пребывания на заключённых, выявить степень соответствия результатов тюремного заключения заявленным целям и соотнесение их с основами христианской нравственности.

Методы исследования, использованные в написании работы: историко-генетический, сравнительно-исторический, описательно-повествовательный.

Теоретическая значимость исследования состоит в систематизации материала по истории арестантского отделения Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря.

Практическое значение данной работы заключается в том, что это исследование может быть использовано как дополнение к учебным материалам по изучению церковной истории. Данное исследование дополнит историко-

архивные материалы по теме истории монастырей Владимирской области и России в целом.

На защиту выносится предположение о том, что тюремное заключение, как средство исправления раскольников и сектантов, не способствует их исправлению и обращению в лоно Православной Церкви.

Структура выпускной квалификационной работы состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и литературы, и приложения.

ГЛАВА 1. ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ТЮРЬМЫ СПАСО-ЕВФИМИЕВА МО- НАСТЫРЯ г. СУЗДАЛЯ

1.1. Исторический фон и предпосылки создания тюрьмы

Тюрьма для «умалишённых» при Суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре ведет своё начало с 1766 года, однако практика содержания людей в монастырских тюрьмах уходит далеко вглубь веков. Для полноты понимания исследуемого нами вопроса, в начале обратимся к истокам возникновения монастырских тюрем в России.

Практика лишения свободы неудобного человека с целью его изоляции от общества существует ещё со времён Древней Руси. Причиной этого была необходимость исключить того или иного человека из общественной, политической или экономической сфер жизни. Само по себе заключение в тюрьму не было наказанием или карой, но способом достижения указанных целей. Местом заточения служил «поруб» или «погреб», т.е. земляная темница [15]. В этой роли выступали и монастыри, особенно в случаях заключения по религиозным мотивам, например, таким как нарушение церковных уставов или хуление Церкви [18, с. 140]. Ранним упоминанием о практике лишения свободы по религиозным мотивам является Никоновская летопись, которая свидетельствует о содержании еретиков в погребах архиерейских домов в XI веке [4, с. 171].

Другими причинами для лишения свободы могли быть политические разногласия и споры, результатом которых могло быть не только темничное заключение, но и принудительное пострижение в монахи, не имевшее под собой правовой основы, но лишь желание изолировать политического противника и удалить его из общественной жизни. Такому насильственному постригу иногда подвергались жена и дети опального князя [15, с. 208]. Нарушения нравственных устоев общества также были поводом для заточения.

Церковный Устав Ярослава Мудрого содержит такое понятие как «дом церковный». Достоверно неизвестно где именно находился этот дом и каков был режим пребывания в нём, но нравственный характер проступков, за которые в него направлялись люди, предполагает, что «дом церковный» это специальное помещение в монастыре, где нарушители отбывали церковное наказание. В этот «дом церковный» направлялись женщины, виновные в нравственных преступлениях. «Тако же и женка без своего мужа или при мужи дитяти добудеть, да погубить, или в свиньи ввержеть, или утопить, обличивши, пояти (и) в дом церковный, а чим ю паки род окупить» [6, Ст. 6]. Таким образом женщины за рождение внебрачного ребёнка и его убийство, помещались в «дом церковный». Вероятно, заключение в «дом церковный» сопровождалось наложением епитимии и пребывание в нём виновной длилось вплоть до уплаты её родственниками соответствующих церковных пошлин. Кроме того, Устав о церковных судах предусматривал заточение в «дом церковный» за вступление женщиной в брачные отношения с женатым мужчиной, либо за брак без венчания, за двоеженство по языческим обычаям и сожителство женщины с двумя братьями. Нравственный характер преступлений, за которые следовало заключение в «дом церковный», предполагает покаяние нарушителей, и соединяется с обычным для Древней Руси наложением штрафа.

С.О. Шаляпин пишет «о знакомстве древнерусских иерархов церкви с православной доктриной церковного наказания как способа склонения преступника к искреннему покаянию. В этой связи мы вправе предполагать, что и первоначальные формы, в которых протекала эта ссылка, были максимально приближены к требованиям церковных канонов» [21, с. 89].

В XV-XVII веках в Русской Церкви происходит умножение еретических движений, например — ересь жидовствующих, усиление внутренних разногласий — спор «иосифлян» и «нестяжателей», ослабление церковной и богослужебной дисциплины — «многогласие», бродячее «крестцовое» духо-

венство. Отношения Церкви и государства осложняются, становятся более дистантными и прохладными, как, например, разлад между царём Алексеем Михайловичем и патриархом Никоном, а с упразднением патриаршества Петром I и образованием Св. Синода происходит «огосударствление» Церкви и её подчинение государственному бюрократическому аппарату.

На таком историческом фоне усилилась практика церковных наказаний, монастырские тюрьмы получили большее развитие, причем в этом процессе принимают участие и некоторые авторитетные церковные иерархи. Естественным образом, умножение церковных нестроений мотивировало церковную администрацию к принятию ещё более жёстких мер. Яркий тому пример — суровое заточение прп. Максима Грека в разных русских монастырях в течение многих лет. Пример заточения в Тверской Отрочь монастырь митрополита Филиппа Колычева показывает, что заточению в монастырь подвергались не только простые люди за ересь и нравственные нарушения, но и высокопоставленные иерархи, почему-либо негодные светской власти. И прп. Максим Грек и свт. Филипп — несомненно политические заключённые, за своё критику и осуждение внешней и внутренней политики государства заточённые в монастырь.

Прослеживая историю монастырских тюрем важно отметить постепенное изменение идеи наказания: от идеи главенства покаяния и духовного исправления в древнерусской церкви оно приходит к идее кары и наказания в Церкви XVII-XVIII веков. Большую роль в такой эволюции церковного подхода к наказанию сыграло государство, которое видело в церковных смутах опасность для себя, и поэтому ожидало от церковной власти более активных действий, жёстких и быстроедейственных мер по наведению порядка. В ряду исправительных мер появляются телесные наказания, цепи и кандалы, изоляция узников от всего остального мира, что более приличествует светской власти чем церковной.

В конце XVI века для содержания политических преступников вводятся «опальные тюрьмы», и, благодаря их появлению, уменьшается нагрузка на монастырские тюрьмы. Ссылка в монастырь теперь применяется в случае религиозных и нравственных нарушений, и такое употребление монастырских тюрем получает всё большее распространение. Известно, что в 1668 году в Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь были присланы из г. Вязники «под начало» двое «богомерзких людей, пойманных в лесах и отметающихся от православной веры». А в 1692 году за какие-то проступки сюда был прислан Тамбовский епископ Леонтий, которому, по распоряжению митрополита Суздальского Илариона, монастырь обеспечивал пропитание и на прочие нужды давал 1 рубль в месяц [13, с. 24].

Относительно истории тюрьмы Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря будет важным рассмотреть такое понятие как «умалишённые». В средние века они представляли собой, наряду с еретиками, ещё одну угрозу общественному порядку и спокойствию. Ввиду отсутствия в описываемое время знаний по психиатрии, само понятие «умалишённый» включает в себя очень широкий спектр состояний человека. Без сомнения сюда входили те люди, которых в наше время называют сумасшедшими, с отклонениями в поведении и нуждающиеся в психиатрическом лечении и уходе. Но к ним также добавлялись и люди, совершившие проступок в состоянии опьянения, в беспмятстве, имеющие эпилептические припадки. Такое состояние на языке старины называлось быть «вне ума», «отступление от ума», «исступление ума» [16, с. 347].

В актах XVII века состояние людей, чьё нахождение «вне ума» было продолжительным, называли «чёрной немощью» или «чёрным недугом» [16, с. 332]. Сильное пьянство представителей всех сословий, кроме крестьянского, также служило поводом к занесению в категорию «умалишённых». Наличие у нарушителя подобных отклонений в поведении было гарантией более мягкого наказания, или полного освобождения от него.

Кроме того, в XVII столетии выступления недовольных против властей часто несли на себе отпечаток церковности, принимали религиозную форму. В это время инакомыслящие, еретики, раскольники попадают в категорию «умалишённых», а способы их исправления предполагаются те же, что и для безумных людей.

Можно заметить, что «умалишёнными» именуются люди, очень разные между собой как по своему психическому здоровью и способности контролировать своё поведение, так и по причинам возникновения у них тех или иных недугов. В таком обобщении сказывается свойственный тому времени недостаток знаний о психических болезнях, и всегдашний страх общества перед всем непонятым, непредсказуемым, «чужим». Инакомыслие приравнено к безумию, и рассматривается как угроза спокойствию общества и государства. Оно рассматривается обществом как болезнь, которую надо лечить, но главным средством её исправления становится изоляция «больного» члена общества от «здоровых».

Необходимость оберегать от возмущения общественный порядок, а также идеи христианского человеколюбия и заботы о ближнем приводили к тому, что люди, признанные обществом «умалишёнными» оказывались в специальных монастырских заведениях, избегая тем самым более суровой участи [14, с. 7]. И для политических преступников заточение в монастырь или принятие монашеского пострига также были альтернативой смертной казни.

В XVII-XVIII веках заключение в монастырскую тюрьму, в большинстве случаев, производилось по высочайшему или патриаршему указу, и есть сравнительно немного случаев, когда это происходило по воле местных светских или церковных властей.

В результате секулярных реформ Петра I в начале XVIII века, уцелевшие от закрытия монастыри получали от государства, в качестве «полезной нагрузки», обязанности по уходу и содержанию ветеранов, увечных, преста-

рельх. Наследники Петра I продолжали и укрепляли традицию подобного использования ресурсов монастырей, при необходимости преодолевая сопротивление Синода и Церкви силой своей императорской власти. В XVIII веке практика содержания в монастырях «умалишённых» преступников расширяется и приобретает законный статус. Вот, в качестве иллюстрации, выдержка из указа Анны Иоанновны от 6 сентября 1735 года: «...Ежели по делам Тайной канцелярии случаются поврежденные в уме, також являющие в винах престарелые мужеска и женска пола люди, которым, по надлежащем в Тайной канцелярии наказании, свободы дать не можно, для отсылки в монастыри отсылать их в Синод» [1, с. 768].

Кроме того, предполагалось, что содержание монастырских заключённых будет происходить за счёт денег Синода, и без того потерявшего часть своих доходов в ходе секулярных реформ. В течение XVIII столетия Синод неоднократно предпринимал усилия для освобождения монастырей от несения тюремной повинности, отказываясь принимать в монастыри умалишённых преступников, ссылаясь на недостаток средств, разного рода непригодность монастырей к выполнению этой задачи. Особенно такие попытки усиливались при смене правителей. Однако, эти усилия не имели успеха, игнорировались высочайшим вниманием, и практика содержания в монастырях всех видов «умалишённых» не только не прекращалась, но и приобретала устойчивость и законодательное обоснование.

Благодаря вмешательству светской законодательной власти в область духовную, разница между уголовным наказанием и церковным, направленным на покаяние и духовное исправление, становится все более условной. Такое положение дел не могло не наносить урон авторитету Церкви, вере людей и их верности православному христианскому вероучению, тем самым давая жизнь явлениям, с которыми и была призвана бороться эта система монастырских тюрем.

Сформировался порочный круг, и вред, приносимый им государству, стал осознаваться в обществе с приходом к власти императрицы Екатерины II. В своём исследовании церковно-пенитенциарной деятельности русских монастырей С.О. Шаляпин пишет: «Период екатерининских реформ 60–80-х годов XVIII века внес в практику монастырской ссылки в России принципиально новые черты. Законодательство этого периода стремится заново наметить стертую грань, отделявшую сферу светской юрисдикции и светских наказаний от области церковной юрисдикции и церковных наказаний... Правительство ратовало за освобождение церкви от несвойственных ей правовых обязанностей и за возврат к идеям древнего христианства, когда церковь могла наказывать своих членов только лишением прав и благ, предоставляемых верующим ею самой. Применительно к практике монастырской ссылки, оформившейся в России, такой подход должен был означать отказ от использования монастырей в качестве мест заточения уголовных и политических преступников и возврат к древней идее прохождения в монастырях клириками и мирянами, нарушившими религиозные заповеди или внутренний порядок в Церкви, только покаянно-дисциплинарных мероприятий» [21, с. 145-146].

Указ 1770 года ограничил епархиальные власти в праве наложения на нарушителей тяжёлых видов епитимий и отправления их в монастырскую ссылку, отныне это право принадлежало Св. Синоду, который в своих действиях должен был руководствоваться «правилами св. отец». Через 27 лет право наложения церковных наказаний было возвращено епархиальным архиереям, а за Св. Синодом оставался контроль над вынесенными епархиальным начальством приговорами [3, с. 773]. Такими мерами правительство Екатерины II старалось отдалить Церковь от выполнения ею карательной функции и дать возможность духовному ведомству действовать более мечем духовным, нежели каким-либо иным.

Кроме того, правительство хотело решить ещё одну задачу — распространение в церковно-административной среде более человеколюбивых принципов в отношении наказания преступников. В указе 1780 года Синод предписывает при наложении епитимии поступать осмотрительно, «так, чтоб ни кающегося не обременить и не привести в отчаяние, ни в ожесточенном не произвести неуважения к Святым тайнам, равно и к содеянному преступлению, а в имеющем холодность к закону не умножить оных, паче же, чтобы расколу не ослабить» [2, с. 927].

Политика веротерпимости и устранения Церкви от участия в государственной пенитенциарной системе занимала важное место, среди прочих государственных забот, но встречала множество препятствий на своем пути к претворению в жизнь. Среди них можно назвать сложившиеся в обществе традиции негуманного отношения к преступникам, и привычки светских и духовных властей действовать в соответствии с ними. Для осуществления благих начинаний екатерининского правительства требовались значительные перемены как в сознании людей, так и в политической и экономической областях государственной и церковной жизни.

Несмотря на стремление правительства гуманизировать отношение общества к преступнику, и на желание Церкви вернуться к своей древнехристианской практике ненасильственного влияния на души человеческие, на деле была огромная разница между желаемым и реальным положением вещей. Свидетельством тому служит история тюрьмы Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря, предлагаемая к нашему дальнейшему рассмотрению.

1.2. Основание тюрьмы в 1766 г.

На протяжении XVIII века в жизни русских монастырей происходят значительные перемены, изначально связанные с церковными преобразова-

ниями Петра I, а позднее с секулярными реформами Екатерины II. Эти изменения не обошли стороной и Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь.

К концу XVII столетия Спасо-Евфимиев монастырь находился на вершине своего земного благополучия, являлся крупным вотчинным владельцем. Из трудов Владимирской учёной архивной комиссии известно, что по переписным книгам того времени монастырю принадлежат 2936 дворов с 10300 человек мужского пола. В это время завершилось внешнее благоустройство монастыря: вокруг него была выстроена кирпичная ограда с 12 башнями, большинство его зданий — так же кирпичные, монастырские храмы богато украшены росписями, утварью, иконами, в библиотеке монастыря хранилось значительное собрание печатных и рукописных книг. Число братии на тот момент составляло 118 человек [9, с. 31].

Но с началом преобразований монастырской жизни в XVIII веке, Спасо-Евфимиев монастырь постепенно начинает терять свои владения, привилегии и доходы. Строения монастыря ветшают и приходят в упадок, численность братии уменьшается, и в 1764 году составляет 42 человека. В этом же году монастырь почти полностью лишается всех своих вотчинных владений, а взамен получает от государства штатное содержание по второму классу. Согласно новому порядку, число штатной братии монастыря ограничивалось 17-ю монахами, а на содержание их и всего монастырского хозяйства выделялось 1563 руб. в год [9, с. 33].

За несколько десятилетий монастырь лишился своих, столетиями собиравшихся богатств, многочисленных вотчин и крепостных людей, экономическая и административная сферы монастырской жизни понесли значительный урон и ущемление прежних свобод. Следует отметить, что, при всей своей болезненности, такая потеря материального благополучия могла бы пойти на пользу духовной жизни обители.

Вместо убывающей братии Спасо-Евфимиев монастырь, по распоряжению правительства, был вынужден принимать на своё содержание лиц, кото-

рые не имели ничего общего с монашеством. К ним относились отставные офицеры, нижние военные чины, но кроме того, монастырь должен был содержать и присылаемых в него на заключение «колодников». Так, например, в 1719 году некий судья Толмачев самовольно поставил в братских кельях монастыря множество колодников, на конюшенном дворе занял хоромы под канцелярию, и упорно, в течение трёх лет, не очищал монастырских зданий, несмотря на протесты и жалобы монастырских властей [13, с. 13-14].

Такое же положение вещей наблюдалось и во многих других монастырях, что порождало сложности, нестроения и волнения. Забота о питании, одежде, обогреве и прочих нуждах узников была возложена на принимавшие их монастыри, а с утратой последними своих доходов и введением штатного содержания — возможности для содержания арестантов силами монастырей сильно уменьшились, в связи чем, возникла необходимость сосредоточить узников только лишь в некоторых, особо избранных монастырях, с назначением им государственного содержания.

Выбор для этой миссии именно Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря может быть объяснён совпадением его характерных особенностей с общими требованиями к монастырским тюрьмам: наличие мощной крепостной стены, которая обеспечивала надёжную охрану узников, удалённость от крупных населённых пунктов, неблагоприятный климат и наличие долгой холодной и сырой зимы — всё это сделало Спасо-Евфимиев монастырь в глазах государства подходящим местом для «безумствующих колодников», а впоследствии и для политических заключённых, раскольников и сектантов, нарушителей религиозных правил и нравственного порядка.

В 1766 году 6 ноября последовал указ, в котором Екатерина II повелевает содержащихся в монастырях Московской губернии, сосланных из бывшей Тайной Канцелярии «безумных колодников» перевести в Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь. Для их охраны следовало выделить из городской роты одного унтер-офицера и шестеро солдат. Начальнику караула была

дана инструкция от воеводы, в которой особо оговаривались некоторые условия содержания узников и правила обращения с ними. В частности, предполагалось держать «колодников» в двух или трех покоях, в нескованном виде. Было необходимо уберегать заключённых от нанесения повреждений как самим себе, так и окружающим их людям, в связи с чем, в указе особо подчёркивается лишение узников возможности иметь письменные принадлежности и писать. Можно предположить, что источником опасности могли служить не только письменные принадлежности сами по себе, но и содержание написанного заключёнными несло в себе определённый вред для окружающих. Смирных и послушных «колодников» предписывалось водить в церковь на службы под присмотром солдат, чтобы те не допускали разговоров заключённых с посторонними, и не давали им сбежать [5, с. 379-380]. Полный текст Высочайшего указа дан в приложении А данной работы.

Бывший на тот момент настоятелем монастыря, архимандрит Ефрем (годы настоятельства 1762-1774), получает от Св. Синода соответствующий указ, с такими добавлениями: «...А как де в оном монастыре первенствующая власть вы, архимандрит, то оную команду вручить в твое ведомство, и притом тебе рекомендовать, чтобы вы со своей стороны употребляли к исправлению тех колодников в уме всевозможные старания: ибо де чрез то вы можете себя оказать по званию своему к сохранению жизни человеческой полезным...» [17, с. 58]. Очевидна забота Синода представить новые для настоятеля монастыря обязанности по управлению тюрьмой, как соответствующие его статусу. Принадлежность к монашеству обязывает настоятеля проявлять заботу о ближнем и о сохранении его жизни — таким образом, по мысли Синода, разрешается противоречивое соединение в одном лице обязанностей по управлению монастырём и тюрьмой. Далее, в указе говорится, что правила содержания заключённых будут сообщены архимандриту в особой инструкции от суздальского воеводы.

Суздальская провинциальная канцелярия тоже получает секретный указ, с инструкцией о содержании заключённых, который содержит более подробные инструкции о правилах содержания узников, и об условиях их освобождения. В ней предписывается обращаться с заключёнными «без строгости» и «с возможной умеренностью», а в случае нарушения дисциплины следует «посадить такого одного в покой, не давая ему несколько времени пищи; а как усмирится, то тогда можно свести его по-прежнему с другими». Повторяется, что заключённым нельзя писать, а единственным условием их освобождения из тюрьмы является полное исправление от «безумств», которое настоятель должен освидетельствовать сам, и доложить о таковом в вышестоящие инстанции. Расходы по содержанию арестантов были распределены между Синодом и монастырём: пропитание и одежду обеспечивала Коллегия Экономии Синода, из расчёта расходов на арестанта как на одного монаха по штату, а на «отопление келей и свечи употреблять из положенной по штату на починку монастырей суммы» [13, с. 26]. Полный текст инструкции приведён в приложении Б данной работы.

С этих трёх документов и начинается история тюрьмы при Суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре. На основании этих текстов можно сделать следующие выводы: изначально тюрьма предназначается только для «умалишённых», основная задача заключения — уберечь узников от самоповреждения и нанесения вреда кому-либо ещё, и, по возможности, способствовать их исправлению и выздоровлению, причём, основным лекарством здесь выступает изоляция, «слушание Божественного пения» и увещания настоятеля монастыря. Последний получает новые обязанности: он должен управлять тюремным режимом и командой караульных, лично способствовать исправлению заключённых и самому же определять степень их готовности к освобождению, иметь попечение о содержании узников. Это означает, что настоятель монастыря становится командиром военного отряда, полномочным начальником арестантского отделения, лишь с ограничением в

праве на освобождение заключённых. Тем самым происходит соединение двух, казалось бы не совместимых элементов — монашество, с его устремлением к Небу, и тюрьма, с её жестокостью и осуждением, глас увещания и карающая десница.

Положение настоятеля монастыря в роли начальника тюрьмы конечно было основано не на иноческих уставах и не соответствовало представлениям о монашеском делании, а была определено светской властью. Это вызывало недоумения и, в дальнейшем, неоднократно принуждало Синод сопротивляться использованию действующих монастырей в качестве домов для умалишённых. Вероятно, именно для разрешения подобных недоумений и смягчения противоречий, в документах на основание тюрьмы подчёркивается, что руководство тюрьмой именно настоятелем монастыря, способствует лучшему сохранению жизни заключённых, и что такая гуманная роль вполне соответствует его монашескому призванию.

Заметим, что по своему содержанию высочайшие указы и инструкции на устройство тюрьмы соответствовали возвышенным идеям просвещённого абсолютизма Екатерины II, например, в положении о том, что государь обязан заботиться о своих подданных, в них уделяется внимание необходимости более мягкого обхождения с заключёнными, соответствующего их душевной немощи, заботе о их безопасности, особо подчёркивается пребывание «умалишённых» нескованными. По сравнению с предшествующими веками и присущей им суровостью в обращении с узниками, это, конечно, прогрессивный шаг вперёд, но дальнейшая история тюрьмы Спасо-Евфимиева монастыря показывает, насколько трудным и долгим подчас может стать воплощение замечательных идей и добрых намерений.

1.3. Описание тюрьмы. Причины для заточения. Узники. Их сословный состав и количество. Сроки заключения

С 1 января 1767 года Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь стал центральным местом для содержания душевнобольных колодников, в соответствии с указом императрицы сюда было свезено из разных монастырей десять душевнобольных арестантов. Они были размещены в так называемых больничных кельях при Никольской церкви этого монастыря. Эти кельи находились в кирпичном двухэтажном здании возле церкви свт.Николая, и представляли собой две большие палаты, с приставленными внутри них к стенам кроватями для заключённых. По мере прибывания новых «умалишённых» для их размещения стали использовать и другие здания, прилегающие к больничным кельям. А спустя годы, когда количество заключённых стало значительно больше, на территории монастыря было построено отдельное тюремное здание с высокой оградой, которое и стало основным местом содержания арестантов суздальской «крепости» [9, с. 34].

По своему денежному содержанию узники делились на две категории: с обычным казённым содержанием, и с содержанием, увеличенным за счёт средств, присылаемых родными, или доходов с имений. Положение узников второй категории было довольно сносным, а у лиц первой категории оно могло быть весьма тяжёлым. За все годы существования тюрьмы деньги на содержание узников поступали неаккуратно или в недостаточном количестве, в связи с чем голод и нехватка необходимых вещей среди заключённых были частым явлением. Специальной тюремной одежды для узников не существовало. Арестанты из лиц духовного звания носили подрясники и тулупы, светские лица — кафтаны, халаты и тулупы. Белье было холщовое, обувь — сапоги, валенки.

Для присмотра за «безумствующими колодниками», были назначена воинская команда от Суздальской провинциальной канцелярии, превоначаль-

но она состояла из унтер-офицера и шести солдат, и поступала на территории монастыря в ведение его настоятеля. С ростом количества заключённых увеличивалась и караульная команда, которая, например, спустя пятьдесят лет после основания тюрьмы составляла уже 26 человек.

Первоначальное желание сделать крепость Спасо-Евфимиева монастыря местом содержания лишь душевнобольных преступников не осуществилось, и ещё в конце XVIII столетия сюда начинают поступать по обвинению в религиозных преступлениях, таких как участие в расколах и сектах. Самые известные представители этой категории заключённых Суздальской «крепости» это глава и основатель секты кавказских прыгунов казак Максим Рудометкин, сектант Федор Ковалев, закопавший заживо около 20 человек своих родственников и единомышленников во время всеобщей переписи, которую он считал делом антихриста, основатель скопческой секты Кондратий Селиванов, старообрядческие архиереи.

В категорию совершивших преступление против религии и Церкви попадали лица, имеющие взгляды не согласные с господствующими представлениями в Церкви и среди духовенства. Необычно высокая активность на поприще благотворительности и духовного просвещения так же влекла за собой подозрения в сектантстве и заключение в монастырскую тюрьму. К таковым относится Василий Подгорный, построивший для населения училище, мастерскую с благотворительной целью предоставления работы нуждающимся, странноприимный дом, церковь. Василий Рахов, основавший на свои деньги ночлежный дом, детский приют на сорок человек, мастерскую для заработка нуждающимся, и, в голодные 1892-1893 годы две столовые, более чем на сто человек каждая [12, с. 333]. Священник Цветков, заключённый за отрицание авторитета Синода и власти обер-прокурора Синода, и за требование созыва вселенского собора.

Еще одной причиной попасть в монастырскую тюрьму было нарушение нравственных устоев, пьянство, развратное и неблагопристойное поведение.

ние. Такими нарушителями были представители белого и черного духовенства, а также крестьяне, представители военного сословия и дворянства. Светские лица присылались в крепость или за преступления против религии, или за порочный образ жизни; иногда в монастырскую тюрьму заключались лица даже по просьбе их родителей. Граф Разумовский Кирилл Алексеевич сидел «за невоздержанную жизнь и вольные мысли насчёт нравственности и религии». Среди заключённых были священнослужители, своим поведением или неуравновешенностью нрава доставлявшие беспокойство духовному начальству, — иеромонах Кириак содержался в арестантском отделении с 1887 года в течение 12 лет «не за какие-нибудь безнравственные преступления, а за болезненную раздражительность». Он переведён в братию монастыря лишь в 1900 году [12, с. 330].

Меньшую часть заключённых составляли уголовные преступники, сидевшие за убийство. Политические заключённые были представлены относительно небольшой группой сидевших за заочное оскорбление царя, участие в бунте, подстрекательство к мятежу, отказ присягать императору, «за заблуждение от чтения книг». Из таковых наиболее известен декабрист Ф.П. Шаховской, сосланный по приговору в Красноярск, но сошедший с ума, а после этого переведённый в суздальскую монастырскую тюрьму, где и умер в тот же год.

Лица, повредившиеся в уме, по-прежнему продолжали присылаться в крепость, причем такое их соседство с психически здоровыми заключёнными, создавало для последних дополнительную тяжесть. Случалось, что число душевнобольных пополнялось за счёт узников, потерявших рассудок уже в заключении. Причиной тому могло служить не только многолетнее пребывание в одном месте с сумасшедшими, но и суровые условия содержания, угрозы и побои со стороны караульных, значительный процент заключённых были люди с расшатанной нервной системой, делавшей их легко возбудимыми, а это нередко приводило их к столкновению со стражей. И без того тяжёлое

положение узников усугубляла неизвестность конечного срока их пребывания в тюрьме. Заточение в тюрьму Суздальского монастыря всегда происходило на неопределенный срок или пожизненно, особенно учитывая то, что возраст многих узников чаще всего был старческий или близкий к старости.

При ссылке в монастырь конкретный срок заключения не назначался, т. к. это происходило не в результате судебного разбирательства и последующего приговора, а по высочайшему указу, либо по распоряжению Синода или по представлению в Синод местных властей. С 1835 года право ссылки в монастырские тюрьмы официально принадлежало только царю и заключение в монастырь могло состояться только «по Высочайшему повелению».

Даже за уголовные преступления ссылка в монастырскую тюрьму определялась без судебного разбирательства, возможно с целью избежать огласки и назначить преступникам менее суровую кару, так как по большей части эти лица принадлежали к привилегированному классу.

Заключённых предлагалось содержать в тюрьме «впредь до раскаяния», но на практике было то, что «раскаяние еретика после обличения» в расчёт не принималось. Поэтому в Суздальской крепости были случаи 30-40 летнего заключения.

Сведения об арестантах Суздальской крепости, их общем количестве, причинах и сроках заключения, разрознены и не полны. Записи и отчёты велись нерегулярно, со временем могли быть утрачены, некоторые узники значились в документах без имени, но даже дошедшая до настоящего времени информация позволяет увидеть многое. Так, из архивного списка заключённых с 1772 по 1835 года мы узнаём о 102 узниках, 6 из которых имели сроки пребывания в тюрьме от 26 до 53 лет, ещё 6 сидели от 21 до 25 лет, другие 5 заключённых — от 16 до 20 лет, 15 человек провели здесь от 11 до 15 лет, 24 человека — от 6 до 10 лет, и, наконец, самая большая группа — 46 человек — менее 5-и лет. Из этих 102 арестантов в тюрьме скончались 39 человек [11, с. 481].

Все эти, крайне тягостные условия одиночного заключения в монастырской тюрьме не могли, конечно, не вызывать душевного расстройства и у здоровых лиц, попадавших в эти тюрьмы и просидевших в них долгие годы, а нередко — десятки лет. Вследствие чего процент психических заболеваний среди монастырских узников был весьма велик.

Всего за время существования этой монастырской тюрьмы с 1766 года по 1905 год, когда Суздальская крепость была закрыта, на основании подлинных архивных дел можно установить, что в ней перебивало свыше 400 заключённых. Их можно разделить на две группы: духовные лица — архиереи, архимандриты, игумены, иеромонахи, священники, диаконы, монахи, церковнослужители — более 250 человек, и светские лица — дворяне, офицеры, чиновники, солдаты, купцы, крестьяне, мещане — числом около 150 человек.

Из сопроводительных документов и инструкций по содержанию, которые были у большинства арестантов, можно выделить три основные цели тюремного заточения: в первую очередь — лишение свободы и строгость содержания являлись наказанием за проступок; во вторых — заточение, как способ пресечения пропаганды идей и распространения ложных, вредных и еретических с церковной точки зрения взглядов; третья цель заключения — возможное раскаяние и исправление нарушителя, возвращение его в число верных чад Православной Церкви.

Из первой главы мы можем сделать следующие выводы:

- Практика монастырского заключения уходит своими корнями в глубокое прошлое Русского государства и Русской Православной Церкви, и, со временем, государство играет всё большую роль в укреплении и развитии этой практики.
- Церковь, в лице Синода предпринимает усилия, чтобы избавить монастыри от превращения в тюрьмы, но эти попытки имеют очень малый успех, ввиду превосходства государственной воли.

- Из места содержания «умалишённых» Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь становится тюрьмой преимущественно для религиозных преступников, из каковых большая часть заключенных — представители духовенства.
- В документах на основание тюрьмы Спасо-Евфимиева монастыря зафиксировано желание государственной власти смягчить участь её обитателей, попечение об их безопасности и гуманном обращении с ними. Но при реализации этого проекта возникли обстоятельства, которые не дали возможности осуществиться благим задумкам властей и оказали своё негативное влияние. Среди таких обстоятельств можно выделить недостаточное и нерегулярное финансирование тюрьмы, бессрочное заключение, и содержание здоровых арестантов вместе с психически больными.

ГЛАВА 2. УСЛОВИЯ СОДЕРЖАНИЯ УЗНИКОВ НА ПРОТЯЖЕНИИ СУЩЕСТВОВАНИЯ ТЮРЬМЫ

2.1. Помещение и организация тюрьмы

Первоначально, тюрьма Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря не имела своего помещения и располагалась в здании больничного корпуса при Никольской церкви, которое ранее использовалось для выхаживания болящих из братии монастыря. Психически нездоровые заключённые содержались здесь в одном большом помещении вместе со здоровыми, что создавало для последних дополнительные проблемы и значительно отягощало их и без того нелёгкое пребывание в тюрьме.

Начавшееся с десяти человек в 1767 году, количество заключённых росло, и к 1770 году уже составляло двадцать узников, а к 1800 году общее число побывавших в тюрьме составило 62 человека. Чтобы решить вопрос нехватки помещений для арестантов, в добавок к больничному корпусу под тюрьму занимались соседние здания. Одно из них — здание бывшей суздальской семинарии — было освидетельствовано ещё в 1762 году, и было найдено в крайне ветхом состоянии, с худыми полами, пустыми окнами и без печей. С 1798 года в этом помещении стали содержать душевнобольных заключённых.

Несмотря на все усилия настоятелей монастыря, положение арестантов становилось всё тяжелее, а условия их содержания и вовсе не подходящими для людей. Ненормальность такого положения дел побуждает в 1816 году настоятеля архимандрита Мелхиседека, а в 1819 году архимандрита Августина ходатайствовать к владимирскому губернатору об «отпуске суммы на отделку впусе состоящих каменных покоев, занимаемых некогда семинарскими классами, для размещения содержащихся в том монастыре арестантов» [8, с. 24]. Не ясно, почему в 1819 году здание бывшей Суздальской семинарии при

Спасо-Евфимиевом монастыре значится в ходатайстве «впусе состоящим», когда известно о его заселении арестантами ещё в конце предыдущего столетия. Возможно, что к 1819 году здание стало совершенно непригодным для использования, из-за чего было освобождено, и это сподвигло настоятеля искать средства на его ремонт. Однако, эти прошения остались без положительного ответа со стороны губернатора, и неудобство узников всё больше бросалось в глаза.

В 1821 году управляющий владимирской губернией А.Р. Зузин, посещая Суздаль, тоже обращает внимание на условия содержания в тюрьме: «при обозрении мною Спасо-Евфимиева монастыря, мною усмотрено, что комнаты арестантами заняты весьма тесны по многому числу содержащихся и воздух в оных всегда находится тяжёлый, отчего много бывает больных, а сверх того все вообще комнаты по ветхости их требуют довольно поправки и не имеют надлежащего укрепления» [8, с. 23]. Личное свидетельство высокопоставленного чиновника, вкупе с другими событиями, о которых скажем далее, создали необходимый импульс для изменения существующего положения к лучшему.

В этом же году императору Александру I был сделан соответствующий доклад о положении дел в тюрьме Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря, в ответ на который была выражена Высочайшая воля и указ о проведении необходимых изменений в содержании узников. В повелении было особо оговорено размещение узников в отдельных небольших комнатах, с недопущением ни в коем случае содержания по нескольку человек в одном помещении.

Были выделены необходимые средства, и в 1824 году на территории монастыря, в северной его части, началось строительство нового тюремного корпуса, который бы отвечал всем требованиям своего предназначения. Уже к сентябрю этого года была отстроена часть нового корпуса, и сразу была заселена арестантами.

В виду предположения губернатора о возможной сырости в новом помещении и опасения за здоровье узников, настоятелем архимандритом Парфением было проведено освидетельствование помещения, о чём он в ноябре 1824 года докладывал, что вновь отстроенные комнаты, где были размещены арестанты, по его требованию были осмотрены штаб-лекарем. В результате осмотра было выявлено, что: «В общей большой комнате ни малейшей сырости не оказалось, равно как и в особых секретных комнатах оной неприметно и воздух в них здоровью содержимых людей, по мнению штаб-лекаря, вредить не может. Лишь в коридоре при секретных комнатах и в казарме занимаемой караульными некоторая сырость замечалась, но сделанными двойными дверями и постановкой чугунной печи — эта казарма совершенно обсушилась и сырости в оной уже не имеется» [8, с. 36]. Полностью строительство нового тюремного корпуса было закончено в апреле 1826 года.

Начиная с этого момента и до закрытия тюрьмы в 1905 году все заключённые содержались в этом специально построенном корпусе. Обновлённая тюрьма Спасо-Евфимиева монастыря представляла собой длинное одноэтажное кирпичное строение, в восточной части которого была устроена для арестантов домовая церковь в честь Корсунской иконы Божией Матери. Здание отгорожено от остальной территории монастыря высокой каменной оградой с одними крепкими воротами, войдя в которые можно попасть в узкий, вытянутый вдоль ограды двор для прогулок заключённых. С южной стороны двор был ограничен стеной, а с северной и западной сторон — тюремным корпусом, вход в который был с западной стороны. Здесь же, в западной части здания находились камеры для «секретных арестантов», отделённые таким образом от общего помещения. Далее, по всей длине здания, с запада на восток, тянулся общий коридор, в который выходили двери всех камер, в конце коридора было помещение для караула, кухня, и, как говорилось выше, домовая церковь.

В двери каждой камеры имелся глазок, для наблюдения за арестантами, а сами камеры представляли собой небольшую комнату с одним зарешеченным окном, столом, стулом и кроватью. Всего таких камер было 24. Окна всех камер выходили в сад на северной стороне здания, который был, в свою очередь, отгорожен от монастырского сада ещё одной высокой стеной. Из-за этого в камерах, особенно в осенью и зимой, не хватало дневного света и было довольно мрачно. В начале XX века о вреде для здоровья узников темноты в камерах сообщает в Синод товарищ обер-прокурора В. Саблер: «В числе заключённых в Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь более тридцати лет находится священник Золотницкий, и притом в таких тяжёлых условиях, которых, по отзыву врача, ни один организм не выдержит... Когда же Золотницкого выпустили из тюрьмы, то веки у него с полгода были отёкшие, так как в одиночном каземате глаза его отвыкли от света» [7, с. 60]. Таковы были условия размещения арестантов в новом тюремном здании.

Следующий ремонт тюремного здания был произведён 75 лет спустя, в 1901 году. Известный исследователь российской пенитенциарной системы, М.Н. Гернет на основании архивного дела об этом ремонте, делает выводы о полном разрушении тюрьмы к началу ремонта, как изнутри, так и снаружи. Полностью непригодной оказалась крыша здания, стены имели трещины, прогнили окна и деревянные полы камер. Для отопления камер имелось 15 печей, половина из которых не работала, так, что при ремонте их пришлось перекладывать заново [12, с. 323]. Эти сведения дают представление о том, что о тюремном хозяйстве равно как и о здоровье узников заботились очень мало, а санитарные условия их содержания с течением времени имели тенденцию к ухудшению.

Поскольку многие из арестантов, так и не дождавшись освобождения, умирали в тюрьме — при арестантском отделении существовало кладбище для их захоронения. Оно находилось с северной стороны от арестантского корпуса, в монастырском саду. Могилы узников располагались прямо среди

садовых деревьев, и за редким исключением они были безымянные — без креста, надгробной плиты или какой-нибудь надписи. Однако, особо известных сектантов хоронили не здесь — после смерти их тела ночью тайно увозили из монастыря и зарывали где-нибудь в поле, всячески скрывая место погребения. Это делалось с целью предотвращения паломничества почитателей к могилам своих духовных вождей [19, с. 191].

2.2. Тюремный режим

Описание режима пребывания в тюрьме Спасо-Евфимиева монастыря будет логично начать с момента прибытия сюда заключённого. Согласно исследованию А.С. Пругавина это происходило следующим образом: арестант прибывал в монастырь в сопровождении полицейского, бывал представлен настоятелю, после чего полицейский получал от настоятеля расписку в благополучном принятии им заключённого. После этого арестанта обыскивали, и оставляли ему лишь необходимое из одежды, а прочее имущество — деньги и вещи — поступало на хранение к настоятелю монастыря. При этом особенно тщательно выполнялось распоряжение об изъятии у заключённых письменных принадлежностей, равно как и книг [20, с. 65].

После обыска арестанта препровождали в тюремный корпус монастыря, и запирали в одиночную камеру, где узник проводил весь остаток своего срока заключения, а в некоторых случаях и всей своей жизни. Камеры арестантов всегда были на замке, некоторых арестантов выпускали погулять в коридоре или во дворе тюрьмы, но вновь прибывшие в первое время не выпускались из камеры, кроме как для выноса своих нечистот. В двери камеры имелось окошко, в которое узнику передавалась пища, и это же окошко служило для наблюдения за арестантом. Такое постоянное подсматривание оправдывалось караульными, как мера недопущения подкопа, и добавляло

раздражения узникам, и без того находящимся в тягостном расположении духа [20, с. 66].

Питание заключённых было скудным, по причине того, что назначенная на это сумма была невелика, деньги поступали в монастырскую казну нерегулярно, а цены росли. В 1821 году настоятель о. Парфений обратился к губернатору с просьбой об урегулировании содержания заключённых, где отметил неравенство узников в обеспечении. Настоятель разделил заключённых по уровню содержания на две части. Одна их часть, сверх положенной на то суммы от государства, получала добавочное содержание из разных источников: так, послушник Сольбинской пустыни Михайло Орефьев получал от этой пустыни 30 руб. в год; бывший войсковой священник Савва Стоянов получал 100 руб. в год от обер-священника армии и флота; титулярный советник Павел Молчанов — 750 руб. от родственников; отставной корнет Никита Спечинский получал от своего отца 1000 руб. в год [8, с. 25]. Эта категория узников материально не нуждалась, несмотря на значительную разницу в получаемых ими суммах.

Во вторую категорию входили арестанты, получавшие лишь казённое содержание в 20 руб. в год, и в связи с этим находившиеся в «самом бедственном» положении. Об улучшении содержания таких «казённых» узников и ходатайствовал перед губернатором о. Парфений. На тот момент ещё не было построено новое тюремное здание, и все арестанты содержались вместе в больших палатах больничного корпуса монастыря, поэтому обращение настоятеля за помощью в содержании заключённых стало вторым фактором, повлиявшим впоследствии на улучшение условий содержания. Вопрос об увеличении суммы на содержание заключённых был решён в 1823 году — с Высочайшим утверждением было предписано выделить на каждого заключённого 156 руб. в год.

Как было сказано выше, одной из причин заточения инакомыслящих в монастырскую тюрьму являлось желание властей остановить дальнейшее

распространение их убеждений в российском обществе. Достичь этого предполагалось путём контроля за сношениями заключённого с внешним миром. За всеми контактами арестанта велось наблюдение с целью недопущения разговоров о вере ни с кем в тюрьме или монастыре. Этот надзор осуществлялся не только силами караульных: тяжким бременем он ложился на настоятеля и всю монастырскую братию [20, с. 32].

Недопущению связи заключённого с миром посредством пера и бумаги придавалось особо важное значение: в самом первом документе на основании тюрьмы при Спасо-Евфимиевом монастыре было указано изымать у арестантов все письменные принадлежности, а в дальнейших инструкциях эта тенденция получала всё большее развитие, вплоть до закрытия тюрьмы. Переписка заключённых допускалась с большой неохотой, при этом, архимандрит был обязан прочитывать все входящие и исходящие письма [20, с. 61]. Настоятели монастыря по-разному относились к этой обязанности: некоторые из них тяготились ею, другие наоборот, с рвением брались за проверку писем арестантов, проявляя при этом излишнюю подозрительность и придирчивость. В результате этого узники всячески старались найти способ отправить свои письма в обход досмотра настоятеля.

О том, что бумага к арестантам всё-таки попадала, мы узнаём из архивного дела 1777 года о посещении ревизором тюрьмы Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря. В ходе проверки было обнаружено, что узникам выдавалась бумага, и они заполняли её «мерзостью и скверностью» [10, с. 233], под которыми подразумевается, надо полагать, изложение заключёнными своих суждений, отличных от общепринятых. Бумага у заключённых, конечно, была отобрана.

Примером излишней подозрительности настоятеля является, описанный А.С. Пругавиным, случай со старообрядческим епископом Геннадием Беляевым, сидевшим в Суздальской монастырской тюрьме с 1863 по 1881 годы. Настоятель монастыря, архимандрит Досифей, перехватил письмо еп.

Геннадию от его сестры, которое показалось ему особенно подозрительным из-за букв Г. И. Х. С. Б. П. Н., стоявших в начале письма. Это письмо, и вместе с ним свои подозрения, о. Досифей представил в секретном донесении владимирскому архиерею, в результате чего началось секретное же расследование по этому делу. В ходе допросов было выяснено, что таинственные буквы в начале письма — есть первые буквы молитвы "Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй нас". В итоге, несмотря на доказанную невинность послания, оно так и не было передано еп. Геннадию, а действия о. Досифея получили одобрение духовной консистории, и рекомендации впредь проявлять такую же бдительность [20, с. 62-63]. Чем более грамотным и интеллигентным был заключённый, тем более вероятными становились подобные недомыслия с его корреспонденцией.

Просмотр арестантских писем был в ведении гражданской администрации, но некоторые настоятели добровольно брали на себя эту обязанность, так, в 1869 году настоятель Спасо-Евфимиева монастыря потребовал, чтобы почтмейстер доставлял ему всю входящую и исходящую монастырскую корреспонденцию, в ответ на что получил отказ [11, с. 478].

В тех случаях, когда заключённый, а точнее его идеи, представляли особую опасность для общества, строгость режима для него становилась максимально высокой. Одним из таких узников был основатель секты скопцов Кондратий Селиванов, сидевший в Суздальской крепости с 1820 по 1832 год, до самой своей смерти. При его ссылке, настоятель о. Парфений получил сразу две сопроводительные инструкции: одну от министра внутренних дел графа В.П. Кочубея, а другую от митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского Михаила, лично им составленную и собственноручно написанную [22, с. 763-764]. Такое сугубое внимание высокопоставленных лиц показывает нам, какое важное значение для властей, как светских так и церковных, имело пребывание К. Селиванова в монастырской тюрьме.

Суть обеих инструкций сводилась к тому, что «начальник» скопцов посылался в Спасо-Евфимиев монастырь под строгий надзор, особенности которого заключались в следующих положениях:

1) «сей начальник скопцов» не должен иметь никаких сношений ни с кем, кроме назначенных для его увещания лиц из монашествующих, причем, немолодых и в вере утверждённых — «дабы не могли быть соращены от него в пагубное скопчество». В этом пункте инструкции, митрополит предлагает более мягкую формулировку, чем министр внутренних дел, наставляя принять К. Селиванова с «человеколюбивою ласковостию», с «христианским расположением сердца», учитывая его старческий возраст и «из сожаления о заблуждении его» [22, с. 765].

2) узнику нельзя было передавать никаких писем или «подаваний» с воли.

3) его нахождение в монастыре должно было быть сокрыто «всемерно».

Настоятелю предписывалось часто посещать секретного узника, вести с ним душеспасительные беседы и докладывать губернским властям ежемесячно, а обер-прокурору Синода раз в четыре месяца, о здоровье К. Селиванова, его образе мыслей и жизни, и о всевозможных попытках единомышленников и последователей «начальника скопцов» раскрыть его местонахождение и связаться с ним.

Все эти предписания также надлежало сохранять в тайне, а в служебной переписке по делу К. Селиванова ради сохранения тайны его называли "стариком, начальником секты скопцов". На содержание этого особенного арестанта министерство внутренних дел выделило в первый год 600 руб., а далее высылало по 550 руб. в год [22, с. 766].

Не смотря на все меры по сохранению тайны пребывания К. Селиванова в Суздальской монастырской тюрьме, в скором времени эта тайна была раскрыта. Из служебной переписки мы узнаём, что уже в 1821 году некий ку-

пец Степан Кузнецов был в Суздале под видом закупки товаров, заходил в монастырь и спрашивал архимандрита о «начальнике скопцов», не имеет ли он в чём-либо нужды, желая тем самым узнать о его местопребывании. А ещё через два года было обнаружено, что в тюрьме К. Селиванова навещает множество последователей, которые получают от него в виде благословения маленькие образа, пирожки и пряники, которые употребляют вместо просфор, части его одежды и пряди волос [22, с. 771]. Несомненно, что такой, исключительно строгий режим заключения К. Селиванова, доставлял ему много мучений, особенно учитывая то, что возраст узника на начало его заключения мог быть, по разным источникам, от 80 до 100 лет. Но главной цели заключения — изолировать К. Селиванова от последователей — достичь не удалось: его контакты с единомышленниками продолжались, переносимые узником страдания придавали ему в глазах сектантов ореол мученичества, что могло привести лишь к укреплению и процветанию секты скопцов.

Та же картина предстаёт и в деле В. Подгорного: к месту его заключения в Суздале было организовано настоящее паломничество последователей, относившихся к своему вождю как к мученику за веру. Подробно история заключения В. Подгорного представлена в приложении В данной работы.

На примере дела К. Селиванова мы можем выделить ещё один аспект тюремного режима: харизматичного и убедительного сектантского проповедника стремятся изолировать не только от его последователей (чтобы не допустить распространения заблуждений и паломничества к своему учителю), но и от других арестантов, и насельников монастыря, из опасения того, что запретные мысли могут пагубно повлиять на них, отвратить от православного учения и завлечь в секту. Такие опасения были небезосновательны, как ввиду способности сектантов убеждать других в своей правоте, так и ввиду недостатка грамотности и образования у братии монастыря. Подтверждение этому мы находим в письме настоятеля о. Парфения митрополиту Михаилу, в котором говорится об отсутствии среди насельников монастыря кандидата

в духовники К. Селиванову, подходящего для этой миссии по своим «способностям, знанию и благонравию». Взять на себя обязанности духовника о. Парфений предлагает суздальскому священнику Петру Виноградову, как «человеку учёному, благонравному и сведущему» [22, с. 766].

Уровень образования монастырской братии с течением времени сохранялся на том же низком уровне. В 1867 году владимирская консистория обратилась в Спасо-Евфимиев монастырь с просьбой выделить кого-нибудь из монахов для безвозмездного обучения арестантов грамоте, проведения с ними нравственных бесед и совершения для них богослужений, на что монастырь ответил отказом, так как у него нет способных обучать грамоте, нет и иеромонахов для богослужения [11, с. 474]. Впрочем, отказ могло вызвать и отсутствие оплаты за труды.

Жертвой сектантского оболыщения мог стать даже тюремный стражник. Такой случай произошёл в 1850 году, когда с арестантом-сектантом сбежал из тюрьмы один из стражников, после чего была проведена ревизия Суздальской монастырской тюрьмы, и по её результатам настоятель был найден неподходящим для должности заведующего арестантским отделением, а инструкция 1766 года была признана устаревшей. Настоятелю, как начальнику монастырской тюрьмы, было предложено изложить свои соображения по содержанию заключённых [11, с. 471].

В соображениях, изложенных настоятелем монастыря, предполагалось передать обязанности по заведованию тюрьмой с административной и хозяйственной стороны особому лицу военного или гражданского ведомства, а за настоятелем оставить лишь «нравственное воздействие» на арестантов [11, с. 471]. Это направление получило ещё большее развитие в проекте новой инструкции владимирской консистории, где предлагалось поручить нравственное воздействие на арестантов кому-либо из монахов монастыря, а за настоятелем оставалось общее руководство, при условии назначения ему за это особой платы. Допущение к руководству монастырской тюрьмой гра-

жданского или военного лица не получило одобрения в Синоде, и проект новой инструкции был оправлен на доработку [11, с. 471].

В 1855 году была разработана и утверждена новая инструкция по правилам содержания монастырских узников. Из этого документа мы можем узнать новые подробности о режиме тюрьмы Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря. В этой инструкции подтверждался прежний порядок управления монастырской тюрьмой, согласно которому её главой являлся настоятель монастыря. Полнота его власти особо подчёркивалась: «В совершенном подчинении архимандриту состоят смотритель арестантского отделения, военная стража и служители». Запрещался осмотр арестантских помещений в монастыре посторонними, а свидания с заключёнными допускались только лицам, получившим на то разрешение. Случаи совместного побега из тюрьмы арестантов и стражников также оказали влияние на содержание инструкции: в качестве профилактики против такого влияния узников на стражу требовалась периодическая смена состава сторожевой команды, для устранения «вредного сближения между нею и арестантами». Кроме того, настоятель имел право требовать, чтобы заподозренные им неблагонадежные стражники не допускались в монастырскую тюрьму [11, с. 472-473].

Инструкция делала настоятеля полным хозяином монастырской тюрьмы. Ему принадлежало право налагать на заключённых различные дисциплинарные наказания, в числе которых было ограничение пищи хлебом и водой. Не указывалось ни числа этих голодных дней, ни перерыва их днями с выдачей горячей пищи. Настоятель получил право заковывать узников в кандалы по собственному усмотрению, тоже без ограничения этого наказания каким-либо сроком. Он был обязан лишь доносить о таких случаях архиерею и губернатору [11, с. 472-473].

О дисциплинарных наказаниях монастырских узников известно ещё со времени посещения тюрьмы ревизором в 1777 году, когда было обнаружено, что солдаты жестоко били «сумасбродных» палками [10, с. 233]. Что же каса-

ется оков, то нам уже известно, что согласно указу Екатерины II, душевнобольные узники должны были содержаться нескованными. Но поскольку в суздальскую крепость начали присылать и здоровых преступников, то, по мнению М.Н. Гернета, кандалы и шейные цепи могли применяться здесь, также как и в прочих тюрьмах [10, с. 237]. С такой разновидностью наказания как посадение на цепь, Спасо-Евфимиев монастырь был знаком с давних времён, и имел для этого все необходимые приспособления.

Писатель и краевед XIX века Л.И. Сахаров описал, найденные им в 1867 в Спасо-Евфимиевом монастыре, тюремные орудия: «Тут же видим орудия истязания, прилагавшегося к виновным людям далёкого времени — цепи и наручные кандалы: одна из цепей длиною менее двух аршин и весом до двух пудов¹ заканчивается с одной стороны ... клином, вбивавшимся в стену, а с другой околешейным железным охватом с петлями, в которые продевался замок, вероятно пропорциональной с цепью величины и тяжести; остальные цепи подлиннее и полегче этой, словом, поснисходительнее» [17, с. 86-87]. То есть цепь была короткой, тяжёлой, и закреплялась не на ногах узника, а на шее.

Автор считает, что эти «препараты старого деспотизма» применялись к монастырским крепостным крестьянам, что не вызывает никаких сомнений. Однако следующий случай показывает, что посадение на цепь, как средство усмирения, применялось и к узникам монастырской тюрьмы.

В мае 1821 года настоятель монастыря о. Парфений донёс владимирскому губернатору о чрезвычайном происшествии в арестантском отделении монастыря. Во время прогулки по двору отделения заключённые отставной корнет Спечинский, сидевший за развратное поведение, и отставной прапорщик Мещанков, сидевший за «дурные и дерзкие поступки», напали на заключённого титулярного советника Павла Молчанова и сильно избили его, «...лежащего, ногами и подборами сапогов по голове». Донося об этом случае, о.

¹ Около 1,5 метра длины и 32 кг. веса.

Парфений просил у губернатора позволения посадить провинившихся на стенные цепи, «так как кроме того, к удержанию их от буйственных поступков, других средств он не находит». Губернатор в ответ выразил своё согласие на содержание провинившихся в цепях, но только до тех пор «пока не усмирятся, и не подадут надежды к перемене своего положения» [8, с. 29-30].

Через месяц оба арестанта были освобождены от стальных цепей, но поскольку они «к перемене своего положения совершенной надежды» не подавали, то были отделены от других арестантов, каждый в особую камеру, где и содержались под строгим наблюдением. Об этом событии было доложено императору Александру I, и, вместе с другими жалобами настоятеля на нехватку помещений и средств на содержание заключённых, оно возымело действие — именно после этого случая и были выделены средства на постройку нового арестантского отделения и на содержание малоимущих арестантов [8, с. 31-35].

Из приведённого нами примера следует, что в тюрьме Спасо-Евфимиевого монастыря, ещё до инструкции 1855 года, к нарушителям дисциплины применялось посаждение на цепь, но лишь в особых случаях и с позволения вышестоящей власти. Вышеупомянутая новая инструкция закрепляла применение цепей в тюремной практике монастыря, и давала настоятелю право самостоятельно назначать такое наказание. По мнению А.С. Пругавина, в конце XIX века «стенные цепи» вышли из употребления в Суздальской крепости [19, с. 176].

Настоятели монастыря относились к заключённым по-разному, в зависимости от характера их преступлений, и это отношение имело значительное влияние на дальнейшую судьбу узников. М.Н. Гернет пишет, что некоторых духовных лиц, арестованных за пьянство и неблаговидное поведение, настоятель готов был простить и ходатайствовать об их освобождении. Раскольники же не заслуживали освобождения, так как, по мнению настоятеля, пред-

ставляли собой явную опасность для общественного порядка распространением «противных Православной Церкви мыслей другим» [11, с. 475].

Из отчёта настоятеля мы видим, что режим содержания отдельных заключённых также зависел от степени их опасности или вины. Вот краткое описание режима отдельных заключённых: 1) «по причине лжепророчества, вредных и незаконных мнений против правительства и стремления к возмущению прочих арестантов, находится в строжайшем заключении. При бдительном же надзоре допускается ему иметь уединенную прогулку в коридоре и по двору, каковою и пользуется, когда пожелает»; 2) «содержится с особой свободой. Имеет прогулки, когда пожелает»; 3) «по причине злохулений св. церкви и вредных мнений о правительстве находится в строгом заключении. Дозволяется ему прогулка с надлежащими предосторожностями». Отсюда можно выделить три типа режима, которые различались между собой наличием прогулок с разной степенью свободы [11, с. 476]. В самых крайних случаях применялось одиночное заключение, а при необходимости — посадка узника на стенную цепь.

На протяжении дальнейшего существования монастырской тюрьмы её режим определялся ранее установленными правилами без существенных изменений. Заключённые размещались по одиночным камерам. Настоятель монастыря назначал каждому узнику для воздействия на него особого духовника. Не все камеры были на постоянном запоре. Некоторые из арестантов общались между собой, а других не выпускали из камер. Церковная служба совершалась в тюремной церкви, но известно, что некоторых арестованных допускали и в общемонастырскую церковь. Труд заключённых не был организован, вследствие чего, характерной чертой тюремного режима было их полное физическое бездействие. В 1844 году владимирский губернатор произвёл ревизию тюрьмы, и по её результатам рапортовал в министерство внутренних дел: «...уединение и бездействие крайне для них (арестантов) вредно:

расслабляя тело, оно усиливает в них мрачность мыслей, что неминуемо доводит ум до совершенного расстройств» [7, с. 63].

Из полугодичных отчётов настоятелей Спасо-Евфимиева монастыря мы получаем сведения о мерах, применявшихся для перевоспитания заключённых. Такими мерами были: посещение церковных богослужений, чтение книг, увещание со стороны духовных наставников. За исключением арестантов с буйным поведением посещение церкви было обязательным для узников суздальской «крепости», однако это не означало их активного духовного участия в богослужении. Настоятели монастыря в своих отчётах часто отмечали отказ некоторых арестантов от посещения церкви, либо их незаинтересованность в совершении молитв: «церковь посещают, но не молятся» [11, с. 476]. Одной из причин этого мог быть тот факт, что значительную часть заключённых составляли сектанты, раскольники, сидевшие по религиозным обвинениям представители духовенства, у которых принуждение ходить на службы могло вызывать сопротивление, из-за их религиозных разногласий с православным вероучением.

Похожие проблемы возникали при попытках тюремной администрации перевоспитать узников книжным чтением. Библиотека при арестантском отделении монастыря была устроена в 1844 году по инициативе владимирского губернатора и с разрешения Синода, то есть спустя 78 лет от начала существования тюрьмы. Создание библиотеки разрешалось при условии иметь в ней только «священные» книги и издания Синода [11, с. 477]. Под «священными» книгами скорее всего имелись в виду книги Св. Писания, т. е. Библия. По причине указанных выше религиозных разногласий арестантов с православным вероучением, наполненная такими книгами тюремная библиотека не пользовалась популярностью у многих заключённых. В отчёте встречается запись о заключённом молоканине: «книг никаких не имеет, ничего не читает и читать не желает». Если же такой читатель и брал книгу, то, как видно из отметок игумена, толковал ее «превратно и по своему мудрованию» [11, с.

477]. Всецело убеждённые в правоте своих взглядов, сектанты и раскольники по-своему толковали Священное Писание, что было неприемлемым для церковной администрации и вызывало у неё ответные меры по пресечению распространения инакомыслия. Так, в 1847 году у заключённых были отображены их записки и тетради. Ознакомившись с ними, Владимирский епископ нашёл, что тетради наполнены разной клеветой, нелепыми мудрствованиями и бессмысленными предсказаниями. Он предписал прекратить это зло, происходящее «по потворству стражи». Весьма содержательно и красноречиво само заглавие этого архивного дела: «о принятии деятельных мер к удержанию от писания нелепых и соблазнительных мудрований арестантов, по поводу оказавшихся у арестанта Евфимия тетради и листа с разными клеветами и бессмысленными предсказаниями, по приказу архиепископа Парфения запечатанных для хранения при секретных делах» [11, с. 478].

Третьим средством перевоспитания узников тюрьмы Спасо-Евфимиева монастыря было увещание, т. е. душеспасительные беседы с ними особо назначенного духовника. Целью таких бесед было опровержение религиозных заблуждений, приведение к раскаянию и возвращение в лоно Православной Церкви, а основной аудиторией — сектанты и раскольники. Поскольку эта категория заключённых имела глубокие и твёрдые убеждения, обширные знания и начитанность, то для успеха в деле их увещания требовались образованные и красноречивые духовники. Об отсутствии таких способностей у монастырской братии свидетельствуют и сами настоятели, о чем мы указывали выше, и внешние исследователи, например, А.С. Пругавин. Он отмечает, что среди братии Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря нет ни одного, окончившего семинарию, большинство иеромонахов вышли из низшего духовного училища. Ещё часть братии была из сельских народных школ, затем масса самоучек, и, наконец, совсем неграмотные монахи: «с трудом читают по печатному и еле-еле могут подписать свою фамилию» [19, с. 159]. По мнению автора, в подобных условиях увещания монахов не оказывали ни ма-

лейшего действия на заключённых, которые продолжали оставаться «непреклонными в своих заблуждениях» и не выражали ни раскаяния, ни желания возвратиться в «лоно» [19, с. 160].

Неумелые увещания были не только бесполезны, но и вредны, т.к. раздражали арестантов и ещё больше укрепляли их держаться своих прежних убеждений. Об этом свидетельствовали и сами настоятели, сообщая, например, об одном из узников: «Увещания предлагаются ему почти ежедневно, но совершенно бесплодно, потому что он к ереси столь привержен, что о истинах христианской веры равнодушно слышать не может». Или о другом узнике: «весьма часто получает увещания и духовное утешение, но никогда ничему не внимлет. Сам любит всякого учить, лжемудрствуя и превратно толкуя Св. Писание в подкрепление всегда нелепых мнений, притом всячески домогается их сообщить другим» [11, с. 477].

2.3. Положение душевнобольных арестантов

Хотя тюрьма при Суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре изначально предназначалась для содержания безумных, с течением времени, такое её назначение постепенно менялось в сторону борьбы с отступлением от православия. Тем не менее, душевнобольные арестанты содержатся в этой тюрьме на всем протяжении её существования, вплоть до закрытия в 1905 году. С открытием тюрьмы в 1766 году, душевнобольные и здоровые узники содержались вместе в одном помещении, а с постройкой в 1826 году отдельного тюремного помещения все узники были переведены в него, и находились в отдельных камерах-одиночках. Несмотря на отдельные камеры, буйство и крики душевнобольных были хорошо слышны всем обитателям тюрьмы и доставляли заключённым не только беспокойство, но и мучения. Такое соседство здоровых и безумных арестантов составляло одну из самых тяжёлых сторон тюремного режима, и могло провоцировать буйное поведе-

ние и даже потерю рассудка у изначально здоровых арестантов. Наличие душевнобольных вызывало резко отрицательное отношение здоровых арестантов к настоятелю, по словам которого, «всякий раз его посещение их ознаменовано бывает ругательствами» [11, с. 470].

Соседство с душевнобольными и неопределённость, или даже пожизненность срока заключения оказывали разрушительное воздействие на психику здоровых заключённых. А.С. Пругавин, посещая Суздаль в 1902 году, в личной беседе с настоятелем Спасо-Евфимиева монастыря выяснил некоторые подробности, относительно буйных арестантов. На вопрос о том, часто ли происходят случаи буйства среди арестантов, и какие меры употребляются для их усмирения, архимандрит отвечал, «что многие из узников, просидев в тюремном каземате год, два, три, пять, десять лет и потеряв, наконец, всякую надежду когда-нибудь выйти на свободу, приходят в ярость, начинают все и всех ругать, неистово кричать, бушевать, бить все, что попадётся под руку» [19, с. 177]. В этом случае не помогали ни увещания ни угрозы словами или оружием, и даже караульные солдаты не решались подойти к заключённому чтобы связать его — настолько сильными и неконтролируемыми были такие срывы. В таких случаях, единственным средством усмирения был голод. Рассвирепевшему арестанту переставали давать пищу в течение дня, двух дней и более, до тех пор пока он не утихомиривался [19, с. 177].

Постоянной врачебной помощи душевнобольным не было, но иногда тюрьму посещали комиссии для обследования заключённых с точки зрения их душевного и физического здоровья [11, с. 470]. Поскольку, наряду с медицинскими соображениями имели место и политические, в комиссию кроме врача входил жандармский полковник. В 1835 году такая комиссия нашла 11 человек «совершенно поврежденными в рассудке», но оставила их в тюрьме, так как находила их «заблуждения вредными», — тюрьму предпочли больнице по политическим соображениям. Даже самые тяжкие душевнобольные арестанты оставались здесь, несмотря на всю очевидность их безумия, на тя-

жесть их соседства для нормальных заключенных, и на трудности их пребывания в тюрьме для администрации. Из других заключенных комиссия перевела двоих в больницу, двоих передала родственникам, а четырёх перевела в другие монастыри. Ещё одна комиссия по обследованию заключённых была произведена в 1838 году [11, с. 470].

М.Н. Гернет отмечает, что в первой половине XIX века примерно пятая часть от общего количества заключённых попадала сюда в статусе безумных, но нет уверенности, что эти узники были все действительно душевнобольными. В случае, когда пребывание их на свободе признавалось по тем или другим причинам нежелательным — они без суда и следствия упрятывались в монастырскую тюрьму под предлогом их безумия. При изменении обстоятельств эти арестанты, заточенные как безумные, освобождались. Известны случаи такого освобождения «безумных» иногда через очень короткие сроки, а чаще через настолько продолжительные, что, за это время в монастырской тюрьме скорее можно было сойти с ума, нежели выздороветь. Так, были случаи освобождения «безумных» через 34 года, 27 лет, 17 лет и т. д.

Принципы, по которым одних узников освобождали или переводили в больницу для душевнобольных, а других держали в заточении, заключались в причинах их заточения в монастырь: «по исступлению ума, дабы не могло впредь произойти от него больших беспорядков и соблазна народного». Или другое объяснение: «За рассуждения не сообразные с здравым рассудком и даже опасные при нахождении его на свободе» [11, с. 482]. То есть, главным фактором в вопросе заключения или освобождения «безумных» заключённых становилось недопущение распространения последними на воле своих заблуждений и избежание вовлечения в секты и расколы других людей. Ориентиры в исследовании узников на сей предмет давала инструкция 1838 года, которая предписывала «стараться правильнее изыскать причины помешательства заключенных: происходили ли они от заблуждений в религиозном или политическом отношении или по другим частным обстоятельствам».

Другой параграф обязывал выяснять, «в какой степени видимо помешательство, не возбуждают ли речи или поступки их соблазна нетерпимого и опасного в обществе или же, напротив, заключая в себе явную бессмысленность, не могут быть вредны даже и для людей необразованных». Свободу арестанты, заключённые по религиозным мотивам, получали только в случае полного исправления и отказа от прежних убеждений, что случалось не часто, или, если они находились в «безумном» состоянии и их бред не содержал опасных для общества идей. Перевод душевнобольных в больницы тоже был редким явлением и обставлялся разными предосторожностями [11, с. 482].

Душевное состояние заключённых оценивал, в первую очередь, настоятель монастыря, в чём заключалась его большая власть над узниками. От его отзывов о заключённых зависела их дальнейшая судьба; не следует забывать, что срок заключения обычно не определялся заранее и зависел от признания заключённого «исправившимся». Вот пример характеристики, данной настоятелем монастыря монаху Феофилу, бессрочно заточённому за «неосновательный донос»: «чтобы опять не беспокоил правительство неосновательными своими извещениями, не может быть освобождён» [7, с. 74]. В некоторых случаях настоятель монастыря отмечал в своих периодических отчетах, что присланный к нему как безумный ведет себя нормально, — как здоровый человек. Но обычно такие отметки не приводили к освобождению арестантов [11, с. 482].

При закрытии тюрьмы в 1905 году, одним из последних узников суздальской «крепости» был душевнобольной арестант, который, по сообщению настоятеля, «во всё горло кричит на дворе и кощунствует». Только после этого сообщения была произведена психиатрическая экспертиза, и больной был отправлен в дом для душевнобольных [12, с. 328].

Таковы основные черты режима тюрьмы Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря. По мнению М.Н. Гернета, по сравнению с режимом общеуголовной тюрьмы он был значительно суровее. Заключение в Суздале отягоща-

ли неопределенность или даже пожизненность срока пребывания и «увещания». Строгость разобщения некоторых узников с внешним миром сближала монастырскую тюрьму с Петропавловской и Шлиссельбургской крепостями [11, с. 478].

2.4. Закрытие монастырской тюрьмы

В 1902 году Министерство внутренних дел подняло вопрос о закрытии суздальской монастырской тюрьмы и о её передаче в гражданское ведомство. В ходе обсуждения этого предложения, епископ Владимирский и Суздальский Сергей (Спасский) высказался против закрытия монастырской тюрьмы, мотивируя своё мнение тем, что «если упразднить арестантское отделение, то епископам труднее будет управлять епархиями». Далее епископ Сергей просил «от себя и за других епископов не закрывать арестантское отделение Суздальского монастыря». В ответ Синод признал «не совместным изъятие означенного отделения от заведывания монастырского начальства» [7, с. 70].

На этом дело не окончилось. В 1903 году Министерство внутренних дел снова обращается к обер-прокурору К.П. Победоносцеву с предложением закрыть суздальскую монастырскую тюрьму. Из этого обращения становятся понятны причины такой настойчивости государственной власти в вопросе закрытия тюрьмы: «... в настоящее время в арестантском отделении Спасо-Евфимиева монастыря содержится 21 лицо...такое скопление арестованных... представляется крайне нежелательным, так как эти арестованные, и особенно душевнобольные, производят на стекающийся народ весьма неблагоприятное впечатление, нарушая мирное настроение богомольцев и вызывая волнующие толки о заключённых... арестанты при условиях монастырской жизни несомненно могут угрожать общественной безопасности и спокойствию, при могущих возникать среди них волнениях, попытках к побегам и иным беспорядкам» [7, с. 76].

В связи с нараставшими в обществе революционными настроениями Министерство внутренних дел видело опасность в содержании заключённых в монастыре центральной губернии, «обширном заводско-промышленном районе и месте паломничества». В случае побега заключённого вполне могли вспыхнуть беспорядки с участием большого количества людей.

Но эти аргументы не находят понимания у еп. Сергия, который в 1904 году вновь просит Синод не закрывать монастырскую тюрьму. Его прошение содержит соображения, помогающие нам понять отношение церковного начальства того времени к исследуемому нами явлению: «... хотя число заключённых ... и не велико, но я снова всепокорнейше прошу не закрывать арестантского отделения, во многих отношениях весьма полезного». По его мнению, сохранение данной тюрьмы в подчинении духовному ведомству важно потому, что «... эта горсть заключённых из духовенства имеет громадное значение для многих беспокойных из духовенства, удерживая их от безобразно-дерзкого поведения», и если упразднить арестантское отделение, то «епископам труднее будет управлять епархиями: это мы хорошо знаем по собственному опыту» [7, с. 77]. Видимо, еп. Сергей имеет здесь ввиду то, что если тюрьма будет подчинена гражданскому ведомству, то пребывание в ней за пьянство и разврат духовных лиц будет найдено не соответствующим степени их преступлений, и сии духовные лица, выйдя на свободу, будут вызывать беспорядки в клире и сильно осложнять управление епархией.

Еп. Сергей также находит, что «перевод арестантского отделения в другой монастырь потребует от казны больших расходов и притом напрасных, — и особенно в монастырь северный, что вредно отзовется на их здоровье, ибо они будут сидеть в душных комнатах в продолжение большей части года» [7, с. 77]. Владыка проявляет заботу об узниках, но только на словах — как мы уже знаем, начиная с 1826 года заключённые и так содержались круглый год в очень тёмных и одиночных камерах.

И, наконец, иерарх старается дать существованию тюрьмы при монастыре моральное оправдание: «Преподобный Евфимий допустил почти 150 лет быть в его монастыре этому благотворительному учреждению... Наверное, прп. Евфимий промышляет не только о монастыре, но и о заключённых в арестантском отделении. Тюрьмы есть во всех городах, но бесславием для них не служат» [7, с. 77].

Возможно, что именно революция 1905 года поставила точку в вопросе о закрытии суздальской монастырской тюрьмы — в этом году вышел указ императора Николая II о закрытии тюрьмы Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря, и 2 марта того же года её последний узник, Ф.М. Ковалёв, вышел на свободу.

Из написанного во второй главе следует, что:

- На момент основания в нём тюрьмы, Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь не имел для этого подходящих помещений, из-за чего условия содержания арестантов были крайне тяжёлыми. Новое тюремное здание было построено только через 60 лет после основания тюрьмы. Несмотря на это, режим содержания заключённых по-прежнему доставлял им физические и нравственные страдания.
- К физическим страданиям приводили: темнота в камерах, отсутствие трудовой деятельности, в некоторых случаях — избиение, заковывание в кандалы и посажение на цепь, отсутствие врачебного ухода, холод, сырость и антисанитарные условия в арестантском отделении ввиду недостаточного ухода за строением и нехватки ремонтных работ.
- Нравственные страдания узникам доставляли: совместное пребывание здоровых с душевнобольными, неопределённость срока заключения, запрет иметь письменные принадлежности, отсутствие контактов заключённых с внешним миром, принуждение ходить в церковь и читать религиозные книги вопреки убеждениям узников и неумелые «увещания» со стороны духовников.

- Некоторые настоятели монастыря проявляли заботу об условиях содержания арестантов и обращались к властям с соответствующими прошениями, но их усилия не всегда достигали успеха по причине отказа вышестоящих инстанций.
- С течением времени монастырская тюрьма для душевнобольных всё более становится тюрьмой для инакомыслящих, сектантов и раскольников-старообрядцев. Главной задачей тюремного заключения является недопущение распространения вредных идей, посредством бессрочной изоляции их носителей от общества, а также перевоспитание арестантов.
- Средства перевоспитания — принудительное посещение богослужений, чтение книг, увещания — по уровню своей реализации не подходили для этой цели, а, учитывая прочие тяжести тюремного режима, в большинстве случаев были обречены на провал.
- На протяжении 138 лет существования монастырской тюрьмы наблюдается разное, и весьма полярное, отношение к ней церковной администрации — от нежелания настоятеля монастыря быть комендантом тюрьмы до нежелания владимирского архиерея закрывать тюрьму или допустить её перевод в гражданское ведомство.
- Причиной закрытия монастырской тюрьмы послужили революционные события начала XX века, а инициатором закрытия — Министерство внутренних дел Российской империи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нравственное существо христианства можно определить такими понятиями как любовь, свобода, Дух, Крест, и высота этих идеалов направляет нашу жизнь по пути наибольшего сопротивления, жизнь христианина есть постоянное распятие себя ради внутренней, а не внешней, духовной победы над злом. Противостояние своим грехам и страстям, как явление чуждое человеческой природе, делает христианство религией трудной для осуществления в жизни, если не сказать едва ли исполнимой.

То же верно и в отношении народов, принявших христианство, которым приходилось с мучительным трудом побеждать свою ветхую греховную природу, свое изначальное язычество, древнее варварство, полужверинные инстинкты. Божественная истина и человеческое естество очень далеко отстоят друг от друга, и, в силу этого, неизбежны искажения в понимании людьми христианской истины и извращение её греховной природой человека и его ограниченным сознанием. Такого печального столкновения со своей природой, поражённой грехом, не избежали даже апостолы: «Видя то, ученики Его, Иаков и Иоанн, сказали: Господи! хочешь ли, мы скажем, чтобы огонь сошел с неба и истребил их, как и Илия сделал? Но Он, обратившись к ним, запретил им и сказал: не знаете, какого вы духа; ибо Сын Человеческий пришел не губить души человеческие, а спасать» (*Лк. 9:54-56*).

История христианства и история Церкви, вслед за Святым Евангелием, предоставляют множество примеров, показывающих борьбу человеческих страстей и интересов в христианском мире, свидетельствующих об извращении и искажении христианской правды в сознании грешного человечества. Поверхностное прочтение таких историй может быть соблазнительным для маловерных людей, если не учитывать то, что в Церкви есть божественная и есть человеческая сторона, и что жизнь Церкви — это взаимодействие Боже-

ства и человечества. Божественная часть Церкви — чиста и непорочна, тогда как человеческая — греховна и непостоянна в следовании истине.

В исследовании феномена монастырских тюрем выявляется то же смешение двух, казалось бы несовместимых институтов: христианское монашество, которое по своему существу и внутреннему характеру должно быть совершенно свободно от всего, что только носит на себе печать жестокости и насилия, соединяется в один организм с тюрьмой, которая есть инструмент репрессии, насилия, и расчеловечивания.

Истоки монастырских тюрем можно обнаружить ещё в XI веке, в виде содержания еретиков в погребках архиерейских домов, а далее, с увеличением ересей и расколов, особенно с появлением в XVII веке старообрядчества, монастырские тюрьмы получают всё большее широкое распространение и законодательное обоснование. Так, в Суздале, кроме Спасо-Евфимиева монастыря, узники имелись в Покровском и Ризоположенском женских монастырях [20, с. 21].

Постепенно, такую меру наказания как заточение в монастырскую тюрьму, всё чаще начинает использовать государственная власть, причём не только для религиозных нарушителей, но и для политических и даже уголовных преступников. Одновременно с процессом огосударствления церковной пенитенциарной системы, происходит постепенное изменение цели заключения в монастырскую тюрьму от достижения раскаяния и исправления преступника, до изоляции, устрашения и репрессии в конечном результате. Наблюдая за развитием церковно-государственной системы наказаний можно заметить, что влияние христианских ценностей на общественную и государственную жизнь со временем всё более сводится к минимальному, в результате чего, зло теперь сдерживается не любовью и пониманием, а жестокостью, унижением и страданием.

При рассмотрении событий и тенденций в истории Русского государства и Русской Церкви, на фоне которых развивалась и возрастала практика

церковного заточения было выявлено, что такая мера наказания впервые появилась на Руси одновременно с принятием христианства, и первоначально имела целью раскаяние преступника, а сами нарушения были нравственного или религиозного характера. Одновременно с этим русские князья начинают использовать заточение в монастырь для своих политических и личных врагов. С усложнением государственного устройства и увеличением церковных нестроений монастырские тюрьмы получают широкое распространение и применение, которое постепенно получало всё более развёрнутое правовое обоснование. В этом процессе Церковь играла подчинённую роль, а с упразднением патриаршества почти полностью утратила своё влияние на государственную пенитенциарную систему, и хотя Синод неоднократно предпринимал попытки освободить монастыри от тюремной повинности, это не имело успеха.

Тюрьма при Спасо-Евфимиевом монастыре была основана указом Екатерины II, и предназначалась для содержания «умалишённых», главой тюрьмы был назначен настоятель монастыря и ему рекомендовалось гуманное обращение с заключёнными и забота о их безопасности. Для охраны тюрьмы в распоряжение настоятеля поступил гарнизон солдат, состав которого рос по мере увеличения числа арестантов. Цель заключения состояла в изоляции «умалишённых» от общества и в возможном исправлении их с помощью увещаний от духовника и посещения ими богослужений.

В дальнейшем, в тюрьму присылаются не только «умалишённые» преступники, так что её основной контингент на протяжении большей части существования составляют религиозные (сектанты, раскольники) и нравственные (пьянство, разврат, непристойное поведение) преступники. В этом случае целью тюремного заключения по-прежнему остаётся изоляция преступника от общества, его перевоспитание и возвращение в лоно Православной Церкви. В отношении вождей сект и расколов, сидевших в тюрьме, особо

важным считалось не допустить распространения их заблуждений и пресечь их контакты с последователями.

При исследовании условий содержания заключённых и тюремного режима были найдены следующие особенности, которые не только не способствовали перевоспитанию узников, но ещё более отстраняли их от примирения с Церковью и обществом:

- Первоначально в монастыре не имелось отдельного помещения для арестантов, и на протяжении 55 лет они содержались в двух больничных палатах, здоровые вместе с умалишёнными. Когда было построено тюремное помещение — все узники были переведены в него, и содержались в очень тёмных одиночных камерах, что крайне отрицательно сказывалось на здоровье узников.
- Денежное довольствие в первые 57 лет существования тюрьмы для большинства заключённых было очень скудным, из-за чего они терпели постоянный голод и холод. С 1823 года сумма на их содержание была увеличена.
- Для заключённых не был предусмотрен физический или интеллектуальный труд, что вредило как телесному, так и умственному здоровью заключённых. Переписка тоже запрещалась.
- Очень тяжёлое воздействие на психику арестантов оказывало отсутствие точного срока заключения и связанная с этим потеря надежды на освобождение и дальнейшее продолжение нормальной жизни.
- В качестве дисциплинарной меры в тюрьме применялись кандалы и шейные цепи.
- Самым тяжёлым условием было соседство здоровых заключённых с сумасшедшими, что нередко служило причиной потери рассудка дотоле здоровыми заключёнными.

- Такие средства перевоспитания, как увещания, посещение богослужений, и чтение книг не достигали успеха потому, что для увещаний образованных раскольников и сектантов у братии монастыря не хватало грамотности, посещение церкви было принудительным, в библиотеке имелись только книги Св. Писания. Всё это вместе взятое только лишь укрепляло в своих убеждениях людей, потерявших доверие к Церкви.

Все перечисленные обстоятельства оказывали разрушительное воздействие на душевное и физическое здоровье узников монастырской тюрьмы, и никак не способствовали улучшению их отношений с государством и Церковью. Более того, предводители сект и расколов, претерпевая в тюрьме множество мучений, становились для своих последователей ещё более авторитетными учителями.

Наиболее успешно исполненной оказалась задача изоляции узников от общества, хотя в случае особо известных сектантов даже эта цель не была достигнута сколько-нибудь удовлетворительно, например, верные последователи К. Селиванова и В. Подгорного находили возможность общаться со своими лидерами и получать от них духовное руководство, что служило усилению их почитания и укрепляло секты.

В заключение можно отметить, что описанные выше характерные особенности монастырского тюремного заключения применялись с казалась бы благой целью — защита церкви от ересей и расколов, но они прямо противоположны христианским нравственным ценностям, таким как любовь к ближнему, милосердие и прощение. Государство может внешне и насильственно полагать предел проявлению злой воли, и оно призвано к этому, но этим путем не побеждается внутреннее зло и грех.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Опубликованные источники

1. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание (1649 — 1825). Том X. 1737 — 1739 гг. — СПб., 1830. 990 с.
2. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание (1649 — 1825). Том XX. 1775 — 1780 гг. — СПб., 1830. 1034 с.
3. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание (1649 — 1825). Том XXIV. 1796 — 1798 гг. — СПб., 1830. 869 с.
4. Полное собрание русских летописей. Том девятый. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. Т. IX. — СПб., 1862. 286 с.
5. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государыни императрицы Екатерины Второй: Т. 1. — СПб., 1910. 831 с.
6. Устав князя Ярослава (пространная редакция) // Российское законодательство X—XX веков. — Т. 1. — 1984.

Литература

Монографические исследования

7. Венедиктов Д.Г. *Попы: провокаторы, тюремщики, погромщики.* — М., 1930. 119 с.
8. Владимирская ученая архивная комиссия. Труды: Кн. 1-18 // Кн. 2. — Владимир, 1900. 405 с.
9. Владимирская ученая архивная комиссия. Труды: Кн. 1-18 // Кн. 14: [Суздаль и его достопамятности] — Владимир, 1912. 73 с.
10. Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Том 1 (1762-1825) издание второе дополненное и пересмотренное. — М., 1951. 327 с.

11. *Гернет М.Н.* История царской тюрьмы. Том 2 (1825-1870) издание третье. — М., 1961. 582 с.
12. *Гернет М.Н.* История царской тюрьмы. Том 3 (1870-1900) издание второе дополненное и пересмотренное. — М., 1952. 400 с.
13. Из истории Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря: (По данным монастырского архива). — Владимир: Скоропечатня И. Коиль, 1912. — 32 с.
14. *Константиновский И.В.* Русское законодательство об умалишенных, его история и сравнение с иностранными законодательствами. — СПб., 1887. 285 с.
15. *Нечволодов А.* Сказания о русской земле с рисунками, картами и планами: [в 4 частях]. // Часть 2. От разделения власти на Руси при сыновьях Ярослава Мудрого до конца великого княжения Дмитрия Ивановича Донского. — СПб., 1913. 502 с.
16. *Новомбергский Н.Я.* Слово и дело государевы: (процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 года). Т. 1// Из Записок Московского археологического института. Т. 14 . — М., 1911. 593 с.
17. *Сахаров Л.И.* Историческое описание Суздальского первоклассного Спасо-Евфимиева монастыря. — издание настоятеля Владимирской губернии Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря архимандрита Досифея, 1870. 88 с.
18. *Скрынников Р. Г.* История Российская. IX–XVII вв. — М., 1997. 496 с.
19. *Пругавин А.С.* В казематах. — СПб., 1909. 365 с.
20. *Пругавин А.С.* Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством — М., 1905. 132 с.
21. *Шаляпин С.О.* Церковно-пенитенциарная система в России XV–XVIII веков: монография. — Архангельск: ИПЦ САФУ, 2013. — 240 с.

Статьи

22. *Майнов В.М.* Скопческий ересиарх Кондратий Селиванов. Ссылка его в

Спасо-Евфимиев монастырь // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. Том 1. — Спб., 1880. — 1165 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Указ императрицы Екатерины II от 6 ноября 1766 года

«О назначении Спасо-Евфимиева монастыря

для содержания колодников»

«Святейший Правительствующий Синод, слушав письменное правящего генерал-прокурорскую должность генерал-квартирмейстера и кавалера князя господина Вяземского предложение с объявлением в нем именного Ея Императорского Величества Высочайшаго повеления о переведении сосланных из бывшей Тайной Канцелярии, для исправления в уме, в разные монастыри колодников по именам десяти человек, для лучшего за ними присмотра, Суздальской епархии в Спасо-Евфимиев монастырь, и при том требуется о приеме оных колодников также если и впредь по Высочайшему Ея Императорского Величества соизволению таковые же присланы будут в оный монастырь, и об отводе для их пребывания потребного числа покоев, так как и о употреблении о сих безумных должного о исправлении их попечения того монастыря к архимандриту послушного указа, Приказали: о приеме, как ныне означенных по именам десяти человек, когда присланы будут, так и впредь если по Высочайшему ж Ея Императорского Величества соизволению таковые ж пришлются во оный монастырь, и о содержании их во всем на таком основании как об них от светских команд предписано будет непременно, означенного Спасо-Евфимиева монастыря к архимандриту послушный, а для ведома и к преосвященному Суздальскому послать указы».

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Инструкция суздальской провинциальной канцелярии о содержании заключённых в Спасо-Евфимиевом монастыре

«Содержать оных безумных в отведенных от архимандрита порожних двух или трех покоях, однако не скованных, и иметь за ними присмотр такой, чтобы они себе и другим по безумию своему не могли учинить какого вреда, чего ради такого орудия, чем можно вред учинить, отнюдь бы при них не было, так и писать им не давайте. Бude же бы который из них стал сумасбродничать, то в таком случае посадить такого одного в покой, не давая ему несколько времени пищи; а как усмирится, то тогда можно свести его по-прежнему с другими. Кoi же смиpны и сумасбродства не делают, таких пускать для слушания Божественного пения в церковь, однако под присмотром же караульных; при чем смотреть за ними того, чтобы они со стоявшими не вступали в непристойные разговоры, также бы не ушли из монастыря. Караульным с ними, сколько возможно, вступать без употребления строгости; а поелику они люди в уме поврежденные, то с ними обращаться с возможною по человечеству умеренностью. Бude же бы который из них стал произносить что важное, но как сие происходит будет от безумного, то оно не слушать и в донос о том не вступать, а только что произнесено будет рапортовать воеводе, а воевода имеет рапортовать в Сенат к генерал-прокурорским делам. Унтер-офицера и караульных поручить в команду архимандриту, а как той первенствующая в монастыре власть, то рекомендовать и ему, чтобы и он с своей стороны употреблял в содержании колодников и в исправлении их в уме возможные старания, ибо через то он может себя оказать по званию своему к сохранению жизни человеческой полезным. Бude же из сих безумных который исправится, то архимандриту освидетельствовать самому и об этом дать знать воеводе, а воевода и сам такого осмотра имеет рапортовать к генерал-прокурорским делам... Означенным колодникам производить на пропи-

тание и одежду от коллегии экономии против одного монаха, как по штату положено, а на отопление келей и свечи употреблять из положенной по штату на починку монастырей суммы».

ПРИЛОЖЕНИЕ В

Из статьи: Клэй Ю. Космополитика харизматического православия:

Стефан (Василий Карпович Подгорный) и его последователи.

Государство, религия, церковь в России и зарубежом.

«Бывший крепостной, ставший основателем монастырей, Подгорный действительно представлял собой совершенно особое явление, порожденное новой реальностью, с которой столкнулась Русская православная церковь в конце старого режима. Он родился 31 декабря 1832 года в селе Тростянец (около двадцати километров от уездного центра Ахтырки). Подгорный научился читать и писать в доме садовника местных землевладельцев Голицыных⁸. Когда его отец умер в 1846 году, тринадцатилетний Василий взял на себя бремя семейных барщинных обязанностей. По настоянию матери он женился в 18 лет, чтобы избежать призыва в армию. Согласно весьма нелестному описанию Бонч-Бруевича, непреодолимое стремление Подгорного к монастырской жизни заставило его выбрать в жены «самую бедную, уродливую, самую несчастную девушку в селе»⁹. Как бы то ни было, брак этот привел к рождению четырех детей (трех дочерей и сына), и жена Подгорного всегда поддерживала духовные поиски мужа.

Подгорный воспользовался свободой, предоставленной ему в результате отмены крепостного права в 1861 года, чтобы стать успешным предпринимателем. В 1870-е годы он приобрел небольшой кирпичный завод, средства которого шли на его благотворительную и религиозную деятельность. В будние дни его дом служил школой для крестьянских детей, а по воскресеньям и праздникам он приглашал взрослых слушать чтение назидательной религиозной литературы. В 1877 году Подгорный предался созерцательной жизни, передав сыну право собственности на фабрику и переехав на Афон, желая провести оставшиеся годы под духовным руководством опытного духовника. Таким духовником для него стал харизматичный и противоречивый грече-

ский старец Хаджи-Георгий (1809-1886), известный своей суровой аскетической дисциплиной и презрением к условностям¹⁰. На Афоне Подгорный принял монашеские обеты, был рукоположен в священники и принял имя Стефан. Но в 1882 году старец приказал Подгорному вернуться в Российскую империю и посвятить себя возрождению монашества на родине.

Получив от старца рекомендательные письма, Стефан вернулся в Харьковскую губернию в 1882 году. По указу Священного Синода от 1816 года российское государство и церковь не признавали таинств или рукоположений, совершенных за рубежом, поэтому, вернувшись на родину, монах потерял своё духовное звание и снова превратился в обычного мирянина. Подгорный вернулся на свой кирпичный завод, не отступая, впрочем, от своего монашеского призвания, уже ставшего частью его личности.

Желая выполнять волю старца и начать основывать монашеские общины, Стефан использовал свои рекомендательные письма от Хаджи-Георгия для установления контактов в близлежащих городах и селах. В конце концов, он даже нашел спонсоров и покровителей в Санкт-Петербурге, включая богатого филантропа, тайного советника Отто Оттовича Бальтасара фон Буксгевдена (1839-1907), который также помогал финансировать богадельню Иоанна Кронштадтского. В 1886 году Стефану удалось приобрести дом и небольшой участок земли, на котором он основал приют для девочек-сирот. Спустя три года, в 1889 году, Священный Синод преобразовал дом в женскую монастырскую общину, что стало первым шагом к превращению его в официальный монастырь. В то же время Стефан приглашал многих молодых женщин для жизни в общинах и социального служения.

Безупречная биография Стефана и его благочестивая репутация способствовали успеху в деле основания монастырей. Его последователи все больше рассматривали его как живого святого, образцовая жизнь которого в молитве и посте наделила его чудодейственными способностями. Его связь со святой горой Афон, источником русской монашеской традиции, придавала

ему особую духовную силу. По словам его последователей, репутация Стефана как святого и его успешная финансовая сеть породили зависть у приходского и монастырского духовенства. Более того, попытки Стефана приглашать женщин в свою общину вызывали напряженность в отношениях с родителями девушек, которые не сочувствовали уходу своих дочерей в монастырь. Именно родители стали обвинять Стефана в сексуальных домогательствах и даже изнасилованиях. Такие обвинения привели к аресту и тюремному заключению Стефана.

Враги Стефана среди местного духовенства донесли слухи о якобы неподобающем поведении афонского монаха архиепископу Харьковскому Амвросию (Алексею Иосифовичу Ключареву, 1820-1901). Амвросий, родом из Владимира, долгое время прослуживший в Москве, был назначен на харьковскую кафедру в 1882 году К.П. Победоносцевым (1827-1907), разделявшим консервативные взгляды иерарха. В отличие от многих других епископов, которых Победоносцев переводил из епархии в епархию, Амвросий руководил Харьковской епархией до своей смерти в 1901 году. Один из его биографов метко назвал его «последним из могикан» за его консервативные взгляды. Амвросий с глубоким подозрением относился к свободомыслию, которое считал главной причиной упадка нравственности.

Архиеп. Амвросий с сильным подозрением отнесся к истории Подгорного. Во-первых, Подгорный утверждал, что он священник и монах, но юридически он был всего лишь женатым крестьянином с четырьмя детьми. Поскольку его афонское рукоположение в России не признавалось, само монашеское призвание Подгорного казалось соблазном. Адепты Подгорного считали его своим духовным отцом и священником, который мог отпускать их грехи, но Амвросий видел в нем лишь мирянина, претендовавшего на церковную власть. По мнению Амвросия, этот афонский монах, с его репутацией аскета и связями с богатыми филантропами, был никому не подотчетен. Во-вторых, Подгорный, будучи крестьянином, мог действовать гораздо более

независимо от иерархии, чем другие члены церковной власти. Главным авторитетом для Подгорного был афонский старец, а не местный епископ. Сеть его контактов в Харькове и Санкт-Петербурге позволила ему свободно исполнять повеление старца о создании монастырей. В-третьих, внеслужебные религиозные собрания Подгорного, на которых миряне распевали популярные духовные песни, слушали назидательные тексты и молились, также вызвали недовольство Амвросия с точки зрения сохранения литургического единообразия. Наконец, и это было самое важное, отношения Подгорного с женщинами, которых он приглашал в монастырь, вызвали сильные подозрения.

В 1891 году Амвросий приказал местному благочинному провести трехмесячное церковное расследование в отношении бывшего афонского монаха. В ходе следствия был сделан сомнительный вывод, что Подгорный изнасиловал двести своих последовательниц. В своей тайной переписке церковные власти признали, что проведенное ими расследование не предоставило убедительных доказательств сексуальных извращений со стороны Подгорного. Хотя они утверждали, что Богодухов Свято-Троицкий монастырь на самом деле являлся еретической «сералью» из 600 женщин, они также признавались, что расследование было частично заблокировано «скрытностью прельщенных сектанток». Несмотря на слабость обвинения, 17 октября 1892 года прокурор сообщил, что сохранение свободы Подгорного представляет опасность для православных. Только на этом основании, без суда и без возможности защиты, без права на встречу со своими обвинителями, Подгорный был арестован 31 октября, а 8 декабря по представлению Синода и повелению Александра III его поместили в тюрьму Суздальского монастыря.

Не имея возможности доказать обвинения «полностью», церковные чиновники предпочли спокойно посадить Подгорного в тюрьму без публичного суда, чтобы избежать скандала. Тюремное заключение, притом в одиночной камере, все же не смогло полностью изолировать Подгорного от его поклон-

ников. Его жена и дети переехали в соседний Покровский монастырь в Суздале, чтобы быть рядом с ним, и он продолжал общаться со своими последователями. В 1894 г. заместитель обер-прокурора Святейшего Синода В.К. Саблер пожаловался архимандриту Досифею, что письма Подгорного монахиням Богодуховского монастыря вызывают беспорядки, и приказал настоятелю принять меры по изоляции узника. Его последователи считали его мучеником и совершали паломничество в Суздаль в надежде увидеть своего батюшку. И центральные, и местные власти пытались положить конец переписке, и Подгорный был помещен в одиночную камеру в тщетной попытке подавить его влияние на своих последователей и монастырь, в создании которого он принимал участие.

Примечательно, что благочестивое поведение Подгорного настолько впечатлило настоятеля архимандрита Досифея (Цветкова), что тот в своих ежемесячных отчетах последовательно рекомендовал освободить Подгорного из заключения и позволить ему присоединиться к монастырской общине. Настоятель монастыря давал самые лучшие сведения о поведении Подгорного, говоря, что он служит примером для других. Не раз обсуждался вопрос об освобождении Подгорного из монастырской тюрьмы и о переводе его в число братии. Однако высшая духовная администрация не менее шести раз предъявляла требования усилить надзор за Подгорным и отягчить условия его содержания. В ноябре 1897 г., после почти пяти лет заключения (большую часть времени он провел в одиночной камере) Подгорный ходатайствовал об освобождении и просил назначить его антисектантским миссионером под соответствующим наблюдением. Он настаивал на том, что может эффективно противостоять протестантскому пиетистскому движению (так называемой штунде), которое становилось все более популярным в Украине и на юге России. Естественно, Синод отклонил предложение Подгорного.

Только после смерти Амвросия в 1901 году Подгорному была предоставлена возможность выйти из заключения. Еще в 1902 году Владимирская консистория выступала против освобождения Подгорного, повторяя клевету на него в переписке с архимандритом Серафимом (Чичаговым) Суздальского монастыря. Но после того, как в конце того же года МВД завершило расследование и сняло с Подгорного все обвинения, в январе 1903 года был издан указ, который освободил его и позволил ему оставаться полноценным монахом в том самом монастыре, в котором он когда-то содержался в заключении.

Несмотря на такие нападки, репутация Стефана как святого человека, обладавшего даром чудесного видения, продолжала расти, особенно после его освобождения из монастырской тюрьмы. Уже как уважаемый старец, он привлекал многих паломников, которые приходили к нему за советом. Стефан принимал своих поклонников в квартире, которая была выделена для него монастырем.

Даже после освобождения Стефана из тюрьмы церковная иерархия оставалась резко разделенной в отношении его личности, его движения и его влияния. В учебнике по сектантству 1910 года консервативный протоиерей и профессор семинарии Тимофей Иванович Буткевич (1854-1925) повторил недоказанные обвинения церковного расследования 1892 года и полностью проигнорировал проведенное в 1902 году светское расследование, которое оправдало Подгорного. В то же время Буткевич защищал решение церкви освободить Подгорного, утверждая, что он осознал свои злые поступки и полностью раскаялся. Далее Буткевич утверждал, что секта подгорновцев уже исчезает и не представляет большой опасности. Гораздо большую озабоченность проявлял пожилой архиепископ Харьковский и Ахтырский Арсений (Александр Дмитриевич Брянцев, 1839-1914), который в 1912 г. сообщил Синоду, что подгорновцы, несмотря на все усилия миссионеров и приходского духовенства, по-прежнему представляют опасность для морали православных. Напротив, молодой архиепископ Курский Питирим (Окнов) утверждал,

что последователи Подгорного, которые вели образцовую благочестивую жизнь, не могут рассматриваться как вредные сектанты: «Подгорновщина, во главе которой стоит известный старец праведной жизнью инок Стефан, не может почитаться вредной сектой: она признает православие, исполняет все обряды, стоит на страже церкви; что же касается религиозно-философского учения этой секты, то это надо понять, надо вникнуть глубоко в суть и смысл этого явления. Их необычайное трудолюбие, честность, гостеприимство, благотворительная деятельность, необычайное милосердие, любовь к ближнему — все это говорит в пользу “подгорновщины”».